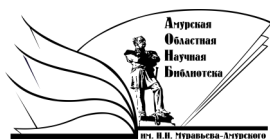

***ПОЭТ
В ПРОЗЕ***

О жизни и творчестве Леонида Симачёва

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел обслуживания

ПОЭТ В ПРОЗЕ

О жизни и творчестве Леонида Симачёва

Информационно-методические материалы

Благовещенск, 2020

Поэт в прозе : о жизни и творчестве Леонида Симачёва : к 70-летию со дня рождения : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2020. – 60с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 17).

Составитель : В. В. Соломенник
Ответственный за выпуск : Н. Г. Долгоруков
Вёрстка и дизайн : М. И. Гнускова

© Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьёва-Амурского

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	4
«ОТ ВЕХИ СОМНЕНИЙ ДО ВЕХИ НАДЕЖД...»: жизненный и творческий путь Леонида Симачёва	7
«СВОЙСТВО ТАЛАНТА ИСТИННОГО, ГЛУБИННОГО...»: особенности творчества Леонида Симачёва	21
«ВО ВКУСАХ И ПРИСТРАСТИЯХ ОДНОЛЮБ...»: Леонид Симачёв в воспоминаниях и оценках современников	45
«СКОВОРОДИНЕЦ. ПИСАТЕЛЬ. ГРАЖДАНИН...»: методические рекомендации к изучению жизни и творчества Леонида Симачёва на уроках литературного краеведения	51
ЛИТЕРАТУРА	
Произведения Л. А. Симачёва	57
Литература о жизни и творчестве Л. А. Симачёва	59

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*Что такое жизнь? Не знаю.
Мне кажется, человек до конца будет что-то искать.*

Леонид Симачёв

Леонид Алексеевич Симачёв (19.11.1950–27.06.2019) – прозаик, член Союза писателей России. С его именем *«связана одна из самых ярких страниц в литературе Приамурья и всего Дальнего Востока. Но не только»* (И. Назарова). Проза Леонида Симачёва – *«явление особое и неоднозначное, вызывающее желание со-переживать, со-чувствовать, во-прощать»* (Б. Черных).

Творческое наследие Л. А. Симачева включает четыре книги: «Срочная радиограмма» (Хабаровск, 1984), «Ленинградский коверкот» (Москва, 1986), «В перерыве между таймами» (Хабаровск, 1989), «До коммунизма и после» (Благовещенск, 2003). И ряд публикаций в областных, региональных и центральных газетах, альманахах, журналах, издательствах: «Октябрь», «Москва», «Нева», «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», «Неделя», «Истоки», «Дни этого года», «Дальний Восток», «Рубеж», «Приамурье моё», «Амурская правда», «Амурский комсомолец», «Амурская газета», «Амурская звезда».

Герои произведений Леонида Симачёва – железнодорожники и моряки, таёжные жители и горожане, молодые люди и старики. Их жизнь и окружающая их природа. Как отметил в 1978 году Борис Машук: *«Симачёв пишет о морях, геологах, о детстве – о том, что ему близко, знакомо...»*.

Из-за «врождённой провинциальной стеснительности» Леонид Симачёв никогда не претендовал на какое-то особое место в ряду своих собратьев по перу. Но современники оценили его творчество по достоинству.

Амурский прозаик и журналист Галина Беляничева писала: *«Проза Леонида Симачёва при её прочтении заставляет говорить о ней высоким словом. Она искренна, добра к читателю, нравственна по содержанию, глубока по мысли, трепетна по чувству и выразительна по языку»*.

«Писателем от Бога» называл его известный амурский писатель и общественный деятель Борис Черных за *«деликатную», «тонкую» работу со словом, за «целомудренны» сцены – без «натурализма» и «надсады», «точные», «проникновенные», «простреливающие сердце навывлет» детали и за «чувство меры» – «свойство таланта истинного, глубинного»*.

Леонид Симачёв, как и герой его рассказа «Премьера фильма в Моршанске» (1985) Скреплев, уверен: *«Искусство рождается тогда, когда за него перестают платить»*. Литература никогда не была для писателя способом решения материальных проблем. Его произведения рождаются в творческих муках, но не в думах о хлебе насущном. Героев своих произведений, *«темы и образы»*, Симачёв черпал из жизни: *«это мои земляки и родная природа»*.

Леонид Симачёв пишет только про то, что хорошо знает. Всё, о чём он пишет, ему известно по личному наблюдению, личному переживанию, личному опыту. Подлинность материала определяет в произведениях Симачёва и географическую точность места действия, и конкретность обстановки.

«И люди и их жизненные обстоятельства, природа и животные – всё выписано достоверно, узнаваемо, зримо. Симачёв достигает предельного лаконизма, предельной чёткости и выпуклости образа, прозрачной ясности и простоты языка, концентрированности мысли. И всё написанное пронизано какой-то необыкновенно лиричной, звенящей нотой любви к этому скоротечному и неповторимому явлению, которое называется человеческой жизнью. Леонид Симачёв был и остаётся одним из лучших писателей Приамурья», – пишет Ирина Назарова (кандидат филологических наук, доцент БГПУ).

Предлагаемые информационно-методические материалы «Поэт в прозе» представляют личность Леонида Алексеевича Симачёва, освещают основные вехи его биографии, определяют значимость его художественных произведений.

Данный сборник состоит из четырёх разделов. В первом – «От вехи сомнений до вехи надежд...»: жизненный и творческий путь Леонида Симачёва – описаны основные этапы его биографии. Второй раздел – «Свойство таланта истинного, глубинного...»: особенности творчества Леонида Симачёва – знакомит с произведениями Леонида Алексеевича. В третий раздел – «Во вкусах и пристрастиях однолюб...» – включены воспоминания о Леониде Симачёве и оценки его творческого наследия друзей, близких, коллег писателей, журналистов, учёных-филологов. Четвёртый раздел – «Сковородинец. Писатель. Гражданин...» – содержит методические рекомендации к изучению жизни и творчества Леонида Симачёва на уроках литературного краеведения.

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения Л. А. Симачёва» и «Литература о жизни и творчестве Л. А. Симачёва».

Издание адресовано широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учащимся, всем, кого интересует

творчество амурских писателей. Материалы сборника могут использоваться читателями и сотрудниками библиотек для удовлетворения краеведческих запросов; проведения библиографического информирования по краеведению; выявления необходимых материалов при подготовке и составлении пособий, сборников, альманахов и других изданий краеведческого содержания; организации краеведческих бесед, обзоров, презентаций; обогащения школьного учебно-воспитательного процесса краеведческим материалом, в основу которого положено творчество Леонида Симачёва.

Данные информационно-методические материалы являются семнадцатым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов «Поэт в прозе: о жизни и творчестве Леонида Симачёва»; фрагменты изданий Л. А. Симачёва; фотографии писателя; электронные презентации, посвящённые его жизни и творческому наследию.

**«ОТ ВЕХИ СОМНЕНИЙ ДО ВЕХИ НАДЕЖД...»:
жизненный и творческий путь
Леонида Симачёва**

*Жизнь – штука бесконечная.
Она тянется, и с каждым годом ты становишься мудрее.
Жизнь нужно принимать как праздник,
какою бы она ни была...*
Леонид Симачёв

*И, должно быть, выполняет единственное,
доставшееся ему в удел: немодно и умело трудится,
по-своему пишет, как будто говорит...*
Павел Ольхов

Леонид Алексеевич Симачёв родился в семье железнодорожника 19 ноября 1950 года на станции Сковородино (прежнее название – Рухлово) Амурской области, где *«воздух пропитан запахами дёгтя и угля, где нравы грубоваты, но искренни, бесхитростны»* (Б. Черных). Здесь прошли детство и юность будущего писателя. Родители Симачёва не коренные амурчане: *«отец из рязанских крестьян, мать – вятская»* («Амурская газета», 1991, 30 декабря–5 января (№ 35), с. 8).

После окончания средней школы Леонид Симачёв решил учиться на факультете журналистики Дальневосточного государственного университета. Вот как он сам об этом пишет в небольшой статье «О “рыбных днях” и творческой зуде» (2007): *«После школы я поступал в ДВГУ на отделение журналистики. Но не прошёл по баллам. В аттестате по иностранному языку был прочерк. “Англичанка”, проучив нас один год и намаявшись за долгую сковородинскую зиму с дымящейся печью в двухэтажном бараке, с трудом дождалась лета и, бросив всё, укатила в себе в Москву. Последующие уроки иностранного языка проходили в основном в спортзале».*

В 1967 году работал в изыскательской мерзлотной партии Зейской экспедиции Мосгипротранса: на участке старой «ГУЛАГовской» трассы Бам-Тында бурил железнодорожную насыпь, отмечая на карте глубину границы вечной мерзлоты.

В 1968 году поступил в Дальневосточное мореходное училище города Находка Приморского края. После окончания училища был радистом, а затем начальником радиостанции на китобойном судне флотилии «Владивосток».

В декабре 1975 года Леонид Симачёв вернулся в Сковородино. Это событие совпало с началом Всесоюзной комсомольской стройки. Но в жизни, и в творчестве Леонид Симачёв остался в стороне от БАМа. Сначала работал электромехаником на телевизионной приёмно-распределяющей станции «Орбита». После её закрытия в 1994 году перешёл на должность электромеханика на Сковородинской радиорелейной станции, которая в то время относилась к ТУСМ-6.

Самым плодотворным периодом своего литературного творчества Леонид Симачёв считает время обучения в мореходном училище и работу на китобойном судне: *«Впечатлений было множество. Строчки так и летели из-под пера»* («Амурская звезда. 2018, 11 октября (№ 40), с. 7). В статье «О “рыбных днях” и творческой зуде» (2007) есть воспоминания об этом времени: *«Дождливыми находкинскими вечерами в училище, во время так называемой “самоподготовки”, писалось очень хорошо. Рассказы складывались как-то тематически, по настроению, и почти не переделывались»*.

Леониду Симачёву буквально вторит ленинградский писатель Сергей Воронин: *«Три года учёбы, и по окончании – работа начальником радиостанции на китобойце флотилии «Владивосток». Четыре года напряжённой жизни в океане, и снова огромная масса впечатлений, которые выливаются в рассказы»*.

О первых пробах публикации своих произведения Симачёв рассказывает в статье «О “рыбных днях” и творческой зуде» (2007): *«Была обаятельно-преданная подружка, работавшая в машинописном бюро рыбного порта, с которой встречался в такие быстро уходящие минуты увольнений. Она перепечатывала рукопись, я вычитывал и посылал регулярно по два-три рассказа в журнал “Дальний Восток”, откуда также регулярно получал вежливо-путанные “отлупы”»*.

Легко писалось Симачёву, по его собственному признанию, *«и позже, после окончания мореходки, в рубке китобойца – шумел осенний океан, каретка раздолбанной казённой “Москвы” временами ёрзала от качки, мелодично позвенькивая, как будильник, словно напоминая: время уходит. Время уходит... И жизнь идёт, и жизнь идёт...»* («О “рыбных днях” и творческой зуде», 2007).

В нескольких интервью амурским журналистам Леонид Симачёв сказал, что дорогу в жизнь в писательском труде ему дал ленинградский прозаик Сергей Алексеевич Воронин: *«В те годы он рабо-*

стал редактором в журнале «Нева». Набрался смелости и отправил свои первые тринадцать рассказов ему. Ответ пришёл неожиданно быстро. Писатель дал добро на выпуск первого сборника рассказов, который вышел под названием «Срочная радиограмма». С хорошими напутственными словами Сергея Воронина» («Амурская звезда», 2018, 11 октября (№ 40), с. 7).

«В 1981 году послал дюжину рассказов Сергею Алексеевичу Воронину в Ленинград. Почему именно ему? Во-первых, он мне нравился, как рассказчик, а во-вторых, он около десятка лет редактировал «Неву» и, естественно, прочёл гору рукописей. Ответил он на удивление быстро, тепло и человечно. Сравнил мои скромные рассказы с творчеством Пиранделло и дал добро в литературу, тем самым, подтолкнув некоторым образом появление моей первой книжки» («Амурская газета», 1991, 30 декабря–5 января (№ 35), с. 8).

В 2007 году Симачёв в статье «О “рыбных днях” и творческой зуде» отметил: «Замечательный прозаик и рассказчик Сергей Алексеевич Воронин, написав предисловие к моей первой книжке, тем самым дал “добро” в литературу. До сих пор жалею, что не смог с ним встретиться вживую. Он ленинградец, но основное время проводил в деревне на Ладозе, в Новгородской области. И я, будучи в Москве и позвонив в Питер, никак его не мог застать дома, чтобы хотя бы на день заехать».

Своими «духовными наставниками» в литературе Симачёв считал: «В русской литературе это разумеется Чехов и Бунин. Из советских писателей я, прежде всего, отдаю предпочтение Паустовскому и Пришвину. Мой педагог Литинститута М. Лобанов даже называл мои рассказы “паустовщиной”» («Амурская звезда», 2018, 11 октября (№ 40), с. 7). А ещё Леонид Алексеевич считал просто наслаждением читать Владимира Набокова за его «настоящий русский язык».

Первый рассказ Леонида Симачёва «Заяц» был напечатан 31 марта 1968 года в молодёжной областной газете «Амурский комсомолец». Автору тогда не было ещё и 18 лет, и рассказ этот он написал в тайге, когда работал в мерзлотной экспедиции по «старому» БАМу.

Вот как об этом рассказал сам писатель: «В 1967 году я закончил школу. И сразу устроился на мерзлотную станцию буровым рабочим. Работали на старом участке БАМа. Бурили “для науки” железнодорожную насыпь. Изучали вечную мерзлоту. Для строительства железной дороги. Здесь я впервые взял в руки остро отточенный карандаш. И приобрёл серый блокнот за 13 копеек. Потому что только он удобно входил в карман пиджака» («Амурская звезда», 2018, 11 октября (№ 40), с. 7).

17 января 1977 года была создана Амурская писательская организация. А уже в феврале Леонид Симачёв «с okazji побывал в Благовещенске, созвонился с Борисом Машуком и в редакции “Амурки”» они познакомились. Вот как об этом вспоминал писатель: *«Летом того же года на областном совещании молодых литераторов обсуждалось моё творчество, Николай Иванович Фотьев очень тепло и обнадеживающе отозвался о моих рассказах, один из которых и был впервые представлен читателю на страницах альманаха “Приамурье”. А затем – знакомство с замечательным редактором и человеком М. Л. Гофманом, братьями, как говорить, по перу: И. Игнатенко и В. Лециком, В. Рьльским и В. Илюшиным, Н. Курочкиным и С. Борзуновой – это всё талантливые люди того литературного сообщества, которое не позволяло расслабляться, переходить на “скоропись”, перестать работать над словом».*

В 1978 году амурский прозаик и журналист Борис Машук, предваряя публикацию отрывка из повести Леонида Симачёва **«Перед рейсом»** на страницах газеты «Амурский комсомолец», написал: *«Почти десять лет назад молодёжная газета напечатала два первых рассказа молодого автора Леонида Симачёва, которого сегодня мы вновь представляем нашим читателям. <...> Два года назад Симачёв вернулся на «материк», в родной город Сковородино. Сейчас работает на станции «Орбита». Заочно учится на втором курсе литературного института имени А. М. Горького и пишет рассказы. О морях, геологах, о детстве – о том, что ему близко, знакомо... В июне прошлого года творчество молодого автора обсуждалось на областном семинаре прозаиков Амурской писательской организации и в целом получило положительную оценку. Рекомендую редакции молодёжной газеты небольшой отрывок из повести Симачёва о китобоях, хочу надеяться, что у произведений этого автора будет хорошее будущее...»* («Амурский комсомолец», 1978, 9 июля, с. 2).

Однажды Леонид Симачёв узнал о творческом конкурсе, объявленном Литературным институтом. Недолго думая, он: *«Собрал рукопись и отослал – и был приятно удивлён, получив в этот раз приглашение в Литературный институт имени Горького (как это гордо и сладостно звучало!) для сдачи экзаменов. Так, благодаря приёмной комиссии Литинститута, в 1976 году моя жизнь пошла по совершенно иной и радостно-новой колее. А в “Дальнем Востоке” я всё же потом раза два напечатался»* («О “рыбных днях” и творческой зуде», 2007).

Учёбу в Литературном институте Симачёв считал хорошей базой для любого начинающего писателя: *«В институте попал в семинар Михаилу Петровичу Лобанову, ярому “почвенку”, человеку со*

сложной судьбой. Фронтовик, так и не побывавший на передовой – на подходе попал под бомбёжку, осколком разворотило кисть руки. Родной брат сгорел заживо в танке, мать после этого не могла переносить огонь – разжигая в избе печку, каждый раз плакала. Об этом он как-то раз оговорился, смотря поверх наших голов, часто помаргивая, здоровой рукой поглаживая изувеченную. С Михаилом Петровичем мы отчаянно спорили, мою прозу он ругательно называл “талантливая паустовщина”, но, однако же, первого из группы и рекомендовал в столичные журналы, где кое-что из этой “паустовщины” и было опубликовано» («О “рыбных днях” и творческой зуде», 2007).

«Наш педагог был сам влюблён в прозу Андрея Платонова. И нам пытался привить. Его семинары мы называли “рыбными днями”. Потому что они проходили по четвергам. А в советское время четверг в общепите был рыбным днём. Мне до сих пор помнится это живое общение. Не только с классиками русской и советской литературы. Но и встречи со своими современниками» («Амурская звезда. 2018, 11 октября (№ 40), с. 7).

Леонид Симачёв считал везением то, что он прошёл творческий конкурс в Литинститут: «Помню, в том году я был единственный прозаик с Дальнего Востока» («Амурская газета», 1991, 30 декабря–5 января (№ 35), с. 8).

Время учёбы в литературном институте писатель всегда вспоминал, как одно из лучших в его жизни. В предисловии к сборнику «До коммунизма и после» он написал: «В 1980 году в Москве состоялись летние Олимпийские игры. Я учился в Литературном институте. Наши общежития по улице Добролюбова в то лето ремонтировали: готовили для жилья иностранцам, нас же поселили на первом этаже в просторном актовом зале. Прибалты и кавказцы, евреи и друзья степей, мордва и коренные народности Севера – все мы жили скопом, в тесноте, как в большой казарме, в этом зале, где днём постоянно висел зеленеющий полумрак от бушующей листвы за открытыми окнами; под ногами позвякивала пустая стеклотара, в одном углу играли на гитаре, в другом – читали стихи... И все мы были счастливы...».

Литературный институт Леонид Симачёв заочно окончил в 1982 году. За год до этого важного события в своей творческой биографии Леонид Симачёв участвовал в первом Зональном совещании молодых литераторов Дальнего Востока (Петропавловск-Камчатский, 1981).

Необходимо отметить, что Симачёв был участником и других совещаний начинающих писателей, что, безусловно, очень важным и нужным для него опытом общения и обучения.

Согласно Постановлению Бюро Амурского обкома ВЛКСМ и Правления областной писательской организации «О проведении X областного совещания молодых литераторов, посвящённого 60-летию образования СССР и 60-летию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов» 18–19 октября 1982 года в Благовещенске проходило совещание молодых поэтов и прозаиков Амурской области. Леонид Симачёв был одним из участников этой творческой встречи. («Амурский комсомолец, 1982, 1 октября, с. 4).

В 1984 году Л. Симачёв принял участие в VIII Всесоюзном совещании молодых писателей (Москва). Об этом большом событии в своей жизни, как важной вехи творчества, Леонид Симачёв рассказал в беседе с Анатолием Кайда. *«Я ведь впервые принимал участие в такой большой встрече. Со всех концов страны собрались мои ровесники. Нас было триста человек, и каждый, видимо, сознавал, что стоит за приглашением на такое совещание. Собирали нас не для того, чтобы посмотреть цвет волос или глаз. До того, как приехать в Москву, каждый из нас отправил туда свои рукописи или уже опубликованные произведения. Кандидатов было во много раз больше, чем потом уже участников. И если ты попадал в число участников, значит, на тебя возлагались надежды, и немалые, в твоём дальнейшем творчестве. А отсюда и собственное отношение менялось.*

Руководителями семинара были Георгий Марков, Анатолий Софронов, Сергей Сартаков, Даниил Гранин, Роберт Рождественский, Анатолий Иванов, Анатолий Алексин, Андрей Скалон, Глеб Горышин, Феликс Чуев. Всех перечислить трудно, ведь семинары шли почти на всех двенадцати этажах журнального корпуса издательства «Молодая гвардия». Разбирали с пристрастием каждое произведение молодого автора, давали оценки, рекомендации. Шла работа, серьёзная работа. Кроме того, были доклады и лекции о развитии современной отечественной и зарубежной литературы, о международном положении, об экономической политике партии. О школьной реформе и других актуальных проблемах.

Выезжали с творческими выступлениями на промышленные предприятия столицы, в совхозы Московской области. Памятным для нас стало возложение венков к Мавзолею Владимира Ильича Ленина и Вечному огню» («Амурский комсомолец», 1984, 17 июня, с. 3).

Безусловно, участие в таком совещании помогает в дальнейшем утверждении молодого литератора. Именно об этом сказал в интер-

вью Леонид Симачёв: *«Обретаешь большую уверенность для своего творчества и оттого, что знакомишься с другими своими коллегами, узнаёшь новые веяния, направления. Лично для меня были интересны встречи и знакомства с такими известными писателями и поэтами, как Иосиф Шкляревский, Владимир Маканин, Владимир Санги, Николай Шундик, Петр Вегин. И, конечно, многое дало мне то, что занимался в семинаре такого мастера рассказа, лирических миниатюр, как Глеб Горышин. Мне он близок, прежде всего, как рассказчик. Для меня это новый этап, на котором преодолены многие сомнения. О планах говорить не буду, надо сначала сделать»* («Амурский комсомолец», 1984, 17 июня, с. 3).

В это же время Леонид Симачёв стал призёром литературного Всесоюзного конкурса «Советский характер» на лучший рассказ, организованного газетой «Неделя».

В 1984 году увидела свет первая книга Леонида Симачёва **«Срочная радиограмма»**, в которую вошли рассказы: «Капитан», «Срочная радиограмма», «Поездка», «Ленинградский коверкот», «Двое», «Большая Медведица», «Штормовое предупреждение», «Проснуться среди ночи...», «На причале», «Умер Тимофеич», «Кукушкины слёзки», «У Москвы-реки», «До зимы далеко».

«О чём пишет Леонид Симачёв? Основная тема, конфликты рассказов – социально-нравственные, – отмечает Сергей Воронин в предисловии к сборнику. – Перед нами – первая книга молодого писателя. В ней много отрадного и по содержанию, и по слову. Думаю, читатели её прочтут и поставят на свою книжную полку, чтобы время от времени снова взять её в руки, хотя, как честно предупреждает автор, он старается избегать внешне эффектных коллизий».

В рецензии на книгу **«Срочная радиограмма»** амурский писатель и журналист Анатолий Кайда написал: *«Симачёв по всей книге своим героям стремится создать самую различную обстановку. Мы – то в океане на китобойце или на железнодорожной станции, то в туманном Владивостоке или на таёжной речушке, то в пришкольном посёлке или в дождливой столице. И профессиональная принадлежность героев разная: геолог, океанолог, железнодорожник, парикмахер, студент, недавний солдат. И важно, что при всём этом разнообразии автор умеет точными деталями подчеркнуть эту принадлежность»* («Амурский комсомолец», 1984, 11 мая, с. 2).

В коротком авторском предисловии к сборнику **«Срочная радиограмма»** Леонид Симачёв написал о том, как долго рождались произведения: *«Когда-то я читал, что во время поездки на Сахалин Антон Павлович Чехов на берегу не то одной из великих сибирских рек, не то Татарского пролива воскликнул: «Какой же я подлец, что*

не умею рисовать!». К великому нашему счастью, он умел писать.

Потребность поделиться с окружающими увиденным и пережитым есть в каждом из нас. Но как донести до людей хорошее и предостеречь от дурного?.. Здесь, очевидно, и начинается искусство. Рассказы из этой книжки писались долго, больше пяти лет. Это объясняется тем, что радиотехника и литература не очень совместимы; разумеется, при серьёзном отношении и к тому и к другому. Иначе получится серо-профессиональная половинчатость. Или попытка «выехать» на всяких внешних, казалось бы, выигранных коллизиях.

На мой взгляд, иные из этих рассказов напоминают любительские фотографии, где, в основном, только показано что-то. Вопрос о том, заставит ли это читателя задуматься.

Сберечь душу – задача, которую хотелось поставить этой подборкой. Сохраним в душе всё хорошее и чистое – значит, сохраним океан и землю, реку и лес, озеро и луг. Убережём сердца близких нам людей...».

В 1986 году в московском издательстве «Молодая гвардия» в серии «Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышла вторая книга прозы Леонида Симачёва «**Ленинградский коверкот**», которую составили рассказы: «Двое», «Большая Медведица», «И даже если срочная...», «В ладонях детства», «Поездка», «На причале», «Сохрани огонь», «Умер Савельич», «Ушла жена от боцмана», «Ленинградский коверкот».

1980-е годы ознаменовались очередной попыткой Симачёва попробовать вои силы в жанре повести. Первая, неудачная, была принята в конце 1970-х годов. В газете «Амурский комсомолец» тогда был опубликован отрывок из повести, озаглавленный «**Перед рейсом**» и рассказывающий о том, как молодой капитан Варгулин готовит команду к плаванию. Однако творческим планам не суждено было сбыться, и в сборник «Срочная телеграмма» фрагмент вошёл как самостоятельное произведение – рассказ «Капитан».

Работу над повестью «**Тишина обкошенной межи, или Наивный романтизм перестройки**» Симачёв завершил в 1989 году. Впервые под названием «Тишина обкошенной межи» она была опубликована в его третьем сборнике – «**В перерыве между таймами**» (1989). Спустя почти пятнадцать лет Симачёв счёл повесть неудачной. В 2003 году в предисловии к книге «**До коммунизма и после**» он написал: «*Всю свою жизнь я старался писать в традиционной, классической манере старого доброго русского рассказа. Эта манера, на мой взгляд, не поработает авторскую индивидуальность, а наоборот, позволяет ей свободно раскрыться.* <...>. Прав-

да, небольшая повесть, открывающая эту книжку, несколько выпадает из общего художественного строя книги. Так почему же я её оставил?.. Быть может, в науку молодым авторам: никогда не нужно идти на поводу у времени; не нужно, как сейчас говорят, «нагружать» произведение социальностью, гражданственностью, политичностью (а мы все так были наивно очарованы «перестройкой») – ибо сразу наступает расплата... Быть может просто в ознакомление... Ведь уже вырос абсолютно новый молодой народ, который и про перестройку-то ничего не знает».

Несмотря на строгую авторскую оценку, «**Тишина обкошенной межи, или Наивный романтизм перестройки**» в художественном отношении несколько не уступает лучшим произведениям Леонида Симачёва.

Рассказы, вошедшие в третью книгу Леонида Симачёва «**В перерыве между таймами**» («Премьера фильма в Моршанске», «Сохрани огонь», «Цирк приехал», «Трофимыч», «Тишина обкошенной межи»), представляют собой нелёгкие и честные раздумья. Автор повествует о событиях внешне неброских, о повседневном ходе нашей жизни – нынешней и в недавнем прошлом. Но за этим – напряжённые раздумья о важных нравственных проблемах, об ответственности человека не только за свою судьбу, но и за всех и за всё, что нас окружает.

В октябре 1991 года Леонид Алексеевич принят в Союз писателей СССР (впоследствии – Союз писателей России), так что он «с гордостью считал себя советским писателем» («Амурская звезда», 2018, 11 октября (№ 40), с. 7).

В 1990-е годы писатель, как и все его соотечественники, переживал нелёгкие времена. В интервью «Амурской газете» на вопрос о творческих планах он отвечал: «В наше время. Когда стоишь в ожидании хлеба по три часа, говорить о планах на будущее как-то неловко. По настроению, по складу характера я рассказчик. Видимо, у меня короткое дыхание. Роман у меня впереди. А пока пишу потихоньку рассказы» («Амурская газета», 1991, 30 декабря–5 января (№ 35), с. 8).

Леонид Симачёв рассказывал о том, с какими трудностями ему приходится сталкиваться, став писателем: «Работать люблю в первой половине дня, но тесная квартирка и двое маленьких детей заставляют об этом забыть до лучших времён. Приходится писать на кухне по ночам. Зарабатывать вынужден на хлеб нелюбимым делом. Такова судьба многих провинциальных литераторов. У меня даже телефона нет. Главный районный связист Михайлов в частной беседе сообщил, что до телефона я не дослужился за 16 лет в министер-

стве связи, ну а что книжки пишу, так на этот счёт никаких инструкций нет. С образованием Амурской писательской организации ставился вопрос о моём переезде в Благовещенск. Всё упиралось в жильё, где-то в анналах обкома кануло моё заявление на квартиру. Тогда ведь всё зависело от него. И жду до сих пор от новой власти» («Амурская газета», 1991, 30 декабря–5 января (№ 35), с. 8).

Вообще 1990-е годы Леонид Симачёв считал «благодатными», потому что он «познакомился с нашими амурскими писателями. Владислав Лецик, Борис Черных, Борис Машук, Игорь Игнатенко, Светлана Борзунова. И ещё много-много имён. А ещё вышли два сборника “В перерыве между таймами” и “Ленинградский коверкот”» («Амурская звезда. 2018, 11 октября (№ 40), с. 7).

В 1991 году в интервью «Амурской газете» Симачёв сказал, что в литературных вкусах и пристрастиях он однолюб: «Сейчас над нашей литературой значительно довлеет дух Кафки – Булгакова – Маркеса. Многие произведения даже с удовольствием читаю. Но всё же больше люблю писателей, реально переживших с героями вместе те или иные жизненные обстоятельства. Мне кажется, что у нас не до конца осмыслен Чехов. Без Сахалина Чехова, каким мы его знаем сейчас, не было бы. Как и не было бы Паустовского и Хемингуэя без первой мировой, а «Окаянных дней» Бунина без пережитых переворотов и гражданской войны. А последнее время просто очарован языком и стилистикой гениального писателя нашего века – Владимира Набокова, и с другой стороны, ошеломлён, измучен, буквально, повержен в бездну надсадного, кровоточащего, парящего времени 20-30-х годов, которое ворвалось в нашу жизнь со страниц гениальных романов Андрея Платонова. И вот такое богатство было преступно утаено от моего поколения» («Амурская газета, 1991, 30 дек.–5 января (№ 35), с. 8).

В 1990-е годы Симачёв написал немного произведений. Судя по публикациям, это рассказы «Любовь к жизни поздней осенью» (1990), «Макрель 91-го года» (1991) и «Время собирать ягоды» (2001).

Вместе с ранее публиковавшимися произведениями они вошли в четвертую книгу «До коммунизма и после» (2003) и были объединены в циклы: «В провинции» («Премьера фильма в Моршанске», «Кукушкины слёзки», «Умер Савельич», «Цирк приехал», «Судорога посреди ночи», «В перерыве между таймами», «Любовь к жизни поздней осенью»); «В тайге» («Двое», «Трофимыч», «Время собирать ягоды»); «В море и на берегу» («Капитан», «Ушла жена от боцмана», «На причале», «Поездка», «И даже если срочная...», «Макрель 91-го года»); «Давно, у Москвы-реки» («Большая Медведица»,

«В ладонях детства», «Ленинградский коверкот», «Сохрани огонь»).

По мнению И. С. Назаровой: *«Циклизация свидетельствует об эпичности мышления автора, о стремлении создать объёмную картину мира, о необходимости осмыслить жизнь глубже, чем позволяет отдельный рассказ. Проза Леонида Симачёва стала конкретнее, острее по содержанию. Изменившийся характер произведений сам автор подчеркнул названием книги».*

Леонид Алексеевич был очень рад выходу своей четвёртой книги прозы – он воспринимал её издание как праздник, о чём и написал в предисловии к ней: *«Ещё в памятниках литературы Древней Руси неоднократно упоминается, что сказанное забудется, а написанное – никогда... «Делание» книг (их писание, переплетение и прочее) было одним из важнейших занятий того времени в монастырях и на книжных подворьях, потому что книга напоминала о «вечном смысле» происходящего, о своеобразном священном круговороте нашей жизни, которую нужно принимать как праздник, какую бы она ни была... И вот у меня сегодня праздник. Спасибо вам».*

В 2003 году Леонид Симачёв стал лауреатом Амурской премии в области литературы и искусства за сборник рассказов **«До коммунизма и после»** в номинации «В области профессионального искусства».

В 2007 году Леонид Симачёв был гостем программы «Простые вопросы» телекомпании «Альфа-канал». *«Что такое жизнь? Не знаю. Мне кажется, человек до конца будет что-то искать. Я очень люблю Чехова. Может быть, это написано на основе многих чеховских вещей: «Лермонтов погиб в 27 лет, а мне тридцать с небольшим, и я ещё ничего не сделал». Может быть, этот рассказ как-то аукается с настроением тридцатилетних. А сейчас я стал мудрее, взрослее. И многое не сделал бы из того, что совершил. Может быть, кого-то невольно обидел. И сейчас я поступил бы по-другому, не так, как раньше. Жизнь – штука бесконечная. Она тянется, и с каждым годом ты становишься мудрее»*, – сказал в эфире писатель.

31 марта 2018 года исполнилось 50 лет творческой деятельности Леонида Симачёва. Газета «Амурская звезда» к этой дате напечатала **«Страницы из дневника»** писателя. Приведём несколько цитат из небольшой публикации, которую автор *«не стал литературно обрабатывать»*: *«Пусть это будут записки молодого человека 16–17 лет середины прошлого столетия»* («Амурская звезда», 2018, 5 апр. (№ 13), с. 4).

«5 сентября 1968 года. Славный город – порт Находка. Мореходка 11 часов дня. Я лежу на койке и «бичую». Только что вымыл полы в коридоре казармы, а теперь отдыхаю. Читаю «Юность».

*Но ночь разломится вдали.
Она тепла, зари краюха,
И брызнет свет, и станет глухо.
И я сжигаю корабли!..*

Владимир Цыбин. Задело. За окном дрянненькая погода. Редко выглядывает солнце. Прощально помахивают ещё зелёные листья тополей. Напротив видна какая-то стройка. Возводят дом, но рабочих мало. Обломков досок, кирпичей, всяких куч – мало. В результате: стройка выглядит непривлекательно и мёртво. Вдали – сопки, поросшие лесом. Лес. Страшно хочу в тайгу. Ноет в душе, когда вспоминаю прошлую осень. Золотые лиственничные леса и красноватые с моховым оттенком мари... Мы бурим вручную. Я сижу на штанге, вернее, на патрубках для груза: медленно вращаюсь. Перед глазами равномерно мелькают: то склон заросшей насыпи, то безбрежная марь с редкими островками лиственниц, то гряда сопки, выкрашенной осенью в неопишущий цвет. Раздаётся чавканье почвы под сапогами парней, равномерно идущих по кругу, изредка прерываемое разговорами. Смысл которых: где охотиться вечером, какое выбрать озеро. Если приложить ухо к штанге, слышно, как скрипит земля под вгрызающейся в неё бурильной ложкой. Скрежет бывает разный. У торфа один, у песка – другой, а у камней, вообще – страшный. Если камень большой, то придётся перебуривать скважину. Вот так кружишься неспешно, слушаешь шелест земли. Порой ветер принесёт паутину, которая мягко коснётся щеки и неохотно спадёт на плечи. Бабье лето...».

«В 1967 году после окончания школы я около года проработал на «мерзлотке», где получил трудовую книжку на всю последующую жизнь».

«Декабрь 1967 года. Число не указано. В декабре день пролетает быстро. Мы заканчиваем бурить скважины и собираем станки. Ярко-красный диск солнца сползает к кромке леса. Верхушки сосен рубиново светящиеся».

«Приехали. Это 43-й километр бывшей ж.д. трассы разъезд Бам, посёлок Тындинский. В одном из карьеров землянка. Построили её парни из экспедиции УРАЛГИПРОТРАНСА. Остались каркасы от палаток, печурки, сложенные из завезённых кирпичей. Всё это было покрыто нетронутым снегом. Посмотрев, появлялась тоска по минувшему лету, о котором остались лишь одни воспоминания. Передняя часть землянки была обшита досками. На углу сиротливо висела табличка: «пр. Тайжский. Здесь начинался БАМ». Рядом сосна, к которой

прибит умывальник. Да, забыл, ещё надпись: “Памятник архитектуры. Охраняется государством. Проект зодчего В. И. Гусева”».

В одном из последних интервью Леонид Симачёв на вопрос «О чём Вы сегодня жалеете, чего не успели сделать?» ответил: *«В своё время из-за отсутствия учителя иностранного языка. А далее из-за своей природной лени не стал изучать английский язык. А так хочется читать зарубежную литературу в оригинале. Ещё не хотел с детства заниматься музыкой. А иногда для души хочется поиграть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Вот это я считаю самые обидные из белых пятен в моей биографии»* («Амурская звезда. 2018, 11 октября (№ 40), с. 7).

Леонид Алексеевич Симачёв скончался 27 июня 2019 года после тяжёлой болезни.

В 2007 году в статье «О “рыбных днях” и творческой зуде» Леонид Симачёв написал: *«Иногда задумываюсь: а как бы сложилась жизнь, стань я журналистом? Очевидно, вступил бы в партию, чтобы сделать карьеру. Далее – ВПШ, райком, обком... После распада СССР – какой-нибудь банк или приватизированный заводик... Но тогда не было бы мерзлотной станции, на которой я начал работать ещё шестнадцатилетним пацаном наравне с мужиками, ни казарменно-тягостного курсантства в мореходке, ни долгих морских рейсов на китобойце. Писать бы я писал, но это была бы уже другая проза, журналистская, каковой в наше время, в общем-то, достаточно. И это была бы другая жизнь...».*

О какой такой другой жизни задумывался писатель? Что его беспокоило? Какие «жизненные перипетии и несуразности» одолевали его последние годы? Вряд ли теперь мы получим ответы на эти вопросы. Зато мы знаем, что несмотря ни на что, Леонид Алексеевич продолжал писать. Он чувствовал, что внешние обстоятельства «не заглушили тот творческий зуд», который посещал его в молодости. Надеялся «закончить, наконец-то, свежую книжку рассказов с философско-романтическим названием “О любви”».

В завершении главы о жизни и творчестве Леонида Симачёва, нам представляется уместным привести его добрые слова в адрес родных и близких из статьи «О “рыбных днях” и творческой зуде»: *«Я благодарен своим родителям и сёстрам за полноценное насыщенное детство, за почти ежегодные летние поездки в Подмоскowie и среднюю полосу России к родственникам, за обилие книг и журналов в нашем небогатом доме. Я благодарен женищинам, встречавшимся на жизненном пути и вдохновлявшим меня. Тогда в голове*

становилось пронзительно ясно, и творческая эйфория бросала в руки остро заточенный карандаш и серенький блокнот за тринадцать копеек... Были тогда удобные, прямоугольной формы блокноты, аккуратно входившие в карман пиджака...».

Леонид Симачёв говорил: «*Все темы и образы вокруг нас: это мои земляки и родная природа*». Поэтому и писатель, и его произведения всегда будут и с нами, и в нас.

«СВОЙСТВО ТАЛАНТА ИСТИННОГО, ГЛУБИННОГО...»: особенности творчества Леонида Симачёва

*Всю свою жизнь я старался писать
в традиционной, классической манере
старого доброго русского рассказа.*

Леонид Симачёв

*Проза Леонида Симачёва при её прочтении
заставляет говорить о ней высоким словом.*

*Она искренна, добра к читателю,
нравственна по содержанию, глубока по мысли,
трепетна по чувству и выразительна по языку.*

Галина Беляничева

Интерес к литературе проснулся у Леонида Симачёва ещё в младших классах школы. Первым писателем, вызвавшим у него неподдельный детский восторг, стал Антон Чехов.

В рассказе «**В ладонях детства**» (1970; первоначальное название «**У Москвы-реки**») Симачёв в классической бунинской манере – передавая звуки, запахи, краски, поведал о том, как первоклассник Вася – автобиографический персонаж – впервые ощутил непостижимую силу искусства слова, заставляющую забыть о реальном времени и пространстве: «*Стояла августовская ночь. Он лежал на террасе, где постелила ему мама. Лампу поставили на старый табурет в изголовье дивана. Желтоватый свет падал на постель и плечи мальчика, на голову, бросая тень, как бы отползавшую от подушки. На террасе чуть пахло керосином, жареным хлебом. А ещё ранними яблоками. Этот тонкий душистый запах всегда вызывал слюну у него, даже когда он не был голоден. Из неплотно прикрытых окон тянуло свежестью и садом; было слышно, как кое-где попискивала летучая мышь. Вася ничего этого не замечал. Он читал про собаку, которая потеряла хозяина. Она бежала по улице, а кругом толкались незнакомые ботинки и галоши. Шёл снег, собака была мокрая, усталая и голодная. Она скулила, и она была без хозяина... Мальчик перенёсся в мыслях туда, на сырую холодную улицу. Он не заметил сползшего одеяла и дрожал. Казалось, что снег засыпает и его.*

И когда голодная Капитанка, прижавшись к подъезду, стала горько плакать, он тоже ощутил сильный голод. Мальчик машинально нашарил под подушкой яблоко и сочно захрустел».

За ним последовали рассказы «Двое» (1969), «Трофимыч» (1969), «Большая медведица» (1969) и др.

В основе их сюжетов, как и в большинстве рассказов первой книги Симачёва – «Срочная радиограмма» (1984), лежат нравственные конфликты. Герои сборника – люди разного возраста, разных профессий – моряки, парикмахеры, железнодорожники, они живут в разных уголках страны – во Владивостоке, в Подмоскowie, на небольшой железнодорожной станции на Дальнем Востоке, у них разные жизненные истории. Но есть то, что всех их объединяет – это люди, духовно, нравственно здоровые. Они не идеальны: у каждого есть свои недостатки, каждый совершает ошибки. Но, оказавшись в сложной ситуации, делают единственно верный выбор – тот, что позволяет остаться человеком.

И даже оступившись, герои Симачёва стремятся искупить вину – не ради того, чтобы почувствовать себя чистыми, незапятнанными, а потому что живут по совести, по непреложному внутреннему закону. Стержень, не позволяющий героям сломаться – врожденное, с молоком матери впитанное чувство уважения к предкам, к родителям, к женщине, истории страны и края, к родной природе.

Таков, например Пашка из рассказа «Двое» (1969), который не смог простить своего напарника Игора, убившего оленёнка, вместе с матерью вышедшего к людям. *«На опушке стояла олениха. Она стояла, повернув шею к кустам, из-за которых проглядывали конусы табачного тента. Едва подрагивая ноздрями, она поводила высоко поднятой головой из стороны в сторону, казалось, что-то слушала. Когда подошёл Пашка, она нервно встрепенулась и посмотрела на него. В безумно горевших глазах и в самой позе был выражен животный страх. Страх вместе с отчаянием, с дикой, неведомой Пашке болью. Он увидел материнские зрачки, эту, вдруг ставшую жалкой дрожащую фигуру, и ему сделалось нехорошо. Будто стволы двустволки смотрели на него и вот-вот – всплеск огня, выстрел...».*

Тематический диапазон рассказов сборника определить сложно: все они – о жизни, изображённой неяркими, акварельно-размытыми красками.

Лучший рассказ книги – «Срочная радиограмма» (1974). Действие разворачивается на китобойном судне в самый разгар охоты на кашалотов, появление которых экипаж ждал долго. Рассказчик – начальник радиостанции, принимает телеграммы для именинника – матроса Валентина. Неожиданно праздничную атмосферу нарушает

сообщение, адресованное лучшему другу рассказчика – Стасу, находящемуся в это время у пушки и готовящемуся к выстрелу: «СЕГОДНЯ ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ УМЕР ПАПА. ЖЕНЯ». Резкая смена интонационных регистров сообщает дальнейшему повествованию сильное эмоциональное напряжение. Но рассказ Симачёва не о том, как невыносимо тяжела боль утраты. Реакция Стаса на извещение о смерти отца передана буквально в двух предложениях: *«Сжав в кулаке радиограмму, Стас отрешённо смотрел в дверной проём радиорубки. Океан сверкал, весь в бликах полуденного солнца. От форштивенья со снежным шорохом, шипя ослепительно белой пеной, разбегались две волны. Тихо стрекоча крылышками, как кузнечики на лугу, стаями летели летучие рыбки, наполняя воздух стеклянным звоном. Снизу, с палубы, доносились голоса матросов.*

– Как же так – хрипло сказал Стас. – Ну, как же так... – повторял он, тяжело опускаясь по ступенькам трапа к себе в каюту».

О том, как герой пережил ночь, и что он испытал, услышав в рубке рассказчика записанный когда-то на магнитофонную ленту голос своего отца, читатель может только догадываться: *«Я вынул из целлофана маленькую кассету, долго хранившуюся у меня в столе. Я берёг её до сентября – мы родились со Стасом в сентябре. Выключил приёмник и включил магнитофон. Раздался шорох, шум вагонной суеты, звонкий хохот Женьки, звон струн и голос Стаса: “Спой «Бригантину», батя”. Стас откинулся на спинку дивана, сжав кулаки, закрыл глаза. Было видно, как он осунулся за ночь. Я вышел из рубки».*

Художественная манера Симачёва сродни тургеневской. Он, как и классик, тоже «тайный психолог». О внутреннем состоянии Стаса красноречиво рассказывают детали: сжатая в кулаке радиограмма, отрешённый взгляд, хриплый голос, тяжёлая походка, одна и та же фраза, произнесённая героем дважды. Свою авторскую позицию прозаик обозначает опосредованно.

Повествование о переживаниях Стаса прерывается пейзажными зарисовками, сглаживающими трагический колорит «Срочной радиограммы». *«Издали, будто несмело крадучись, прорвались первые аккорды. И они превратились в капли только что прошедшего дождя, когда уже поздняя осень и подрезанные весной ветки деревьев в городских скверах подросли и роняли последние листья, влажные и тяжёлые на вид, и они падают прямо, почти не вращаясь. На аллеях курятся прибитые дождём костры из палой листвы. Кора на старых липах с наветренной стороны потемнела от дождя. Пахнет дымом и арбузными корками. Утихающие порывы ветра вытягивают ветки клёнов вслед уходящей туче; костры шипят и начинают густо*

дымить, а чёрный лакированный асфальт в нервной ряби от сыплющихся капель. Старые тополя тихонько поскрипывают». «Небо на востоке было красным. Выше оно розовело, желтело, а далеко на западе становилось иззелена-жемчужным. Небо отражалось в океане, и океан словно был покрыт влажной акварелью... Я не заметил, как подошёл Стас. Мы стояли и ждали солнца. Оно вынырнуло из воды быстрее, чем за минуту – свежее, выкупанное, готовое жечь нас весь день. Стас как-то сказал, что самое красивое, что он видел в жизни – это восходы и заходы солнца в районе Курил».

Такое композиционное решение подчёркивает главную мысль произведения: она в торжестве жизни над смертью. Не случайно в сборниках «Ленинградский коверкот» (1986) и «До коммунизма и после» (2003) рассказ был опубликован под названием «И даже если срочная...».

Другая важная композиционная особенность произведения – преобладание в сюжете эпизодов-воспоминаний, всплывающих в памяти рассказчика в мельчайших подробностях.

Со Стасом они выросли на одной железнодорожной станции. «Мы родись со Стасом через год после войны. Жили в одном дворе неподалёку от шумной железнодорожной станции. Летом спали в сарае; сквозь щели в стене пробивались лучики паровозных прожекторов, а по утрам просыпались от резкого клекочущего объявления со станции, что на второй путь пребывает московский пассажирский. Наспех одевались и бежали на вокзал искать брошенные пассажирами пустые спичечные коробки. Мы искали их на перронах и шпалах, под платформами и у шумных, пахнущих жареной навагой ларьков. Странная эпидемия гуляла в то лето среди нас: все собирали спичечные этикетки. Порой находили коробки с редкими ещё тогда, блестящими и гладкими, яркими (мы их называли «масляные») картинками и, как правило, дрались, оспаривая: кто заметил первым? От коробков веяло дорогой, красивыми городами, незнакомыми людьми, тонкими духами и не виданным ещё, загадочным и уже любимым морем».

«Стаськин дядя» – дядя Серёжа, позже – Сергей Леонидович, работал машинистом тепловоза. Летом он брал мальчишек с собой в поездки, после которых они все вместе мылись в «деповском» душе: «Нежились под горячими струями и с презрением думали о городской бане, куда нас каждую неделю отправляли мамыши».

Когда тёрли дяде Серёже спину, всегда боялись задеть «огромный сизый шрам», тянувшийся вдоль рёбер. Отец Стаса – фронтовик, танкист. В одном из боёв он был ранен. Осколок, застрявший «рядом с сердцем», после войны его часто беспокоил. Да-

же спустя годы герой ясно слышит стоны, которые однажды разбудили его посреди ночи (с открытием охотничьего сезона он, Стас и дядя Серёжа ночевали в сарае). Но вопреки всему, Сергей Леонидович жил, работал, воспитывал детей. Любивший жизнь, герой и после смерти остаётся живым в памяти сына и его друга детства.

Ни мучительные размышления Стаса о собственной чёрствости (почти каждый день убивает «морских исполинов»), ни тягостные раздумья героев о войне не способны заглушить главную мысль рассказа, открыто высказанную в финале: *«Жизнь продолжалась. И она ждала нас каждое утро рассветами – то солнечными и тихими, то хмурыми и дождливыми, то снежными и холодными. Был океан – великий и загадочный, любимый и такой же красивый, как жизнь. А потом тот последний за путину рассвет, когда Курилы уже за спиной... И светлые коробки домов в желтеющем тумане, и винный запах поздней осени, и лишь воспоминания об изнурительном тайфуне, у которого школьное имя Агнессы – так звали первую учительницу... И пресловутый комок в горле, и счастье, если бы вы знали – какое это счастье!...»*.

Постоянные повторы («то», «и», «жизнь», «счастье») сообщают фрагменту ритмичность и передают поэзию самой жизни.

Рассказы Симачёва – это лирическая проза. Они лишены сюжетно-композиционного центра, в них нет событий как таковых. Переданы только воспоминания, размышления, впечатления от них. Сам писатель в предисловии к сборнику **«Срочная радиограмма»** сравнил составившие его рассказы с «любительскими фотографиями, где, в основном, только показано что-то».

Лучшие страницы повести **«Тишина обкошенной межи, или Наивный романтизм перестройки»** (1983, 1989) – воспоминания главного героя Владислава Перминова о детстве и молодости.

Символом семейного лада, душевного равновесия, устоявшегося быта является эпизод подготовки отца к покосу: *«Предпокосные дни начинались с отбивки кос. На протяжении многих лет у отца под окном были припасены две ошкуренные чурочки. В одну из них он вбивал кованный квадратный брусок, на другую садился, брал в руки литовку, бережно укутанную в тряпки на зиму, разворачивал, долго рассматривал, шурясь и прикидывая, словно ружьё навскидку, то к одному плечу, то к другому, а потом тихонько начинал с оттягивающей молоточком: тук-так, тук-так, тук-так...»*.

Леонид Симачёв изображает жизнь трудящегося человека такой, какой она виделась Льву Толстому и писателям-деревенщикам: стройной, наполненной высшим смыслом, а потому незыблемой. В гармоничное, наполненное любовью прошлое врывается хаос

настоящего. С начавшейся в стране «перестройкой» стало ясно: многое из того, чем жили «отцы», оказалось неправильным, ложным. К светлому будущему народ шёл не тем путём. Судьба нескольких поколений обманутых советских людей воплотилась в жизненной истории коллеги Перминова – Бориса Ефимовича Хамкина. Немолодой герой, которому «было уже далеко за пятьдесят», последние годы мечтал о личной автомашине. Когда мечта сбылась, и «вазовская ноль шестая модель вишневого цвета» стояла под окном дома, её угнали сбежавшие заключённые. Спустя несколько дней, узнав, что эски, уходя от преследования, разбили машину вдребезги, Хамкин застрелился в своём гараже.

Явные параллели с Чеховым – прежде всего с рассказами «Крыжовник» и «Смерть чиновника» – носят поверхностный характер. У Симачёва неожиданная и, на первый взгляд, нелогичная смерть героя придаёт истории подчеркнуто трагический характер. Машина для Хамкина – далеко не предел мечтаний. Её пропажа – последняя капля в череде бесконечных испытаний, которые выпали на его долю. Внезапным откровением стал для Перминова монолог Хамкина, почти крик души: *«Сколько копил, сколько в очереди стоял... Под старость лет хоть, думал, поезжу, внука повожу... Помирать скоро. Сердце вон по ночам сдавливает. Вся жизнь прошла: давай-давай, давай-давай... Вот ещё немного, вот-вот потерпите... Целину поднимем, скоро заживём... То голодуха военная, с двенадцати лет в леспромхозе лес валить начал, – прорвало Хамкина, голос у него прерывался, а в горле странно хлюпало. – Потом фабзайка, где я ботинки первые надел! Знаете, чёрные, тяжёлые такие, с клёпками, гадами называют... Так я их берёг, гады через плечо на шнурочках, а сам босиком шурую... <...> В армии только сладости стал себе позволять. Куплю в увольнении кило пряников и зараз схвачу где-нибудь в парке, в уголочке... Можете вы сейчас кило пряников зараз съесть?... <...> И опять всё повторяется. Ещё немножко, ещё чуть-чуть... <...> Опять потерпеть, опять нужно это сделать, то сделать, здесь порядок навести, там реформу провести, а я устал уже ждать».*

Неустроенная жизнь самого Перминова – невысокая зарплата, отсутствие собственной квартиры, напряжённые отношения с женой и тещей – тоже во многом следствие несовершенства тогдашней политической системы. Но герой искренне верит новому генеральному секретарю Михаилу Горбачёву, рассуждающему «о новом мышлении, о разрушении трафаретного образа врага, о потенциале, заложенном в социализме, потенциале, который с перестройкой начинает мощно раскрываться».

О пережитках прошлого, в частности, о собрании в рамках недели политической бдительности, автор рассказывает с иронией. Это особенно ощутимо в характеристике образов персонажей.

Один из них – занимающаяся «в основном общественной работой» инженер по технике безопасности Алла Борисовна Плевкова «сочно накрашенная, с такими же распущенно-рыжими волосами, как у знаменитой Аллы Борисовны». Контраст между именем, напоминающим о знаменитой певице, и неблагозвучной фамилией создаёт комический эффект, усиливающийся с помощью характеристики, данной героине Перминовым: «Когда-то она работала не то в лесной торговле, не то в железнодорожной. Как, и каким образом она попала на предприятие связи – Перминов не знал. Ему казалось, что такие общественницы и общественники вечны, имеют в кармашке вместе с партбилетом – режее с дипломом – знаменитое средство Макропулоса, чтобы жить везде, всегда и во всём».

Другой колоритный персонаж – Эра Никодимовна Манучарова, бывшая учительница истории, а ныне секретарь райкома партии по идеологии. Комическое содержание образа раскрывается в диалоге с Перминовым: «Владислав Родионович, вы понимаете, то всему району вы как бы дали подЦёчину! “Поправить что ли – подумал Перминов. – Некрасиво получится. Да это ж не вина её, а беда... Да и не русский же язык она преподавала в школе”». «И всё же вы человек не комМУКАбельный Владислав Родионович – прикрывая дверь, услышал он, должно быть шутливую реплику. “Может, специально та говорит – подумал Перминов. – Своеобразный сленг, заменяющий, например, народные выражения”».

В рассказе «**Любовь к жизни поздней осенью**» (1990) действие разворачивается в одном из санаториев Кавказских Минеральных Вод. За завтраком Юрий Мамалыгин познакомился с Катей – «очень симпатичной блондинкой с карими пронзительно-живыми глазами». Уже второе свидание героев закончилось близостью, во время которой Юрий «с ужасом отметил, лаская её, иступлённо ему отдающуюся, что у неё нет груди, и она это контролирует сейчас, и ловит его руки, и заводит их себе за голову, шепча ему в грудь давно не слышанные Мамалыгиным чудные и нежные слова...».

После Катя рассказала ему свою историю: несколько лет назад ей поставили страшный диагноз – рак. Муж бросил её после первой же операции. Оказавшись на грани между жизнью и смертью, героиня нашла утешение в мимолётных связях с мужчинами. Уже второй год она приезжает в санаторий, чтобы почувствовать себя полноценной женщиной. Обычный курортный роман обернулся для Мамалыгина испытанием. Шокированный внезапно открывшейся ему физи-

ческой неполноценностью новой знакомой, герой искренне ей сочувствует, но отказывается принять её выбор: *«Утром он спал долго. Пить воду не пошёл. Не пошёл и на завтрак. Долго стоял на балконе, смотрел, как медперсонал, одетый в чёрные фуфайки поверх белых халатов, собирает опавшие листья. Отсюда, с восьмого этажа, они походили на монахов и монашек, прибирающих монастырское подворье. Над большими деревьями и крышей водолечебницы кружились мокрые стаи ворон. В воздухе снова висел моросящий туман, и окрестных гор видно не было.*

Когда в столовую потянулась на завтрак вторая смена, Мамалыгин спустился тоже, подошёл к диетсестре и попросил чтобы его перевели питаться во вторую смену. Так ему, объяснил он, будет удобнее».

Туман, сопровождающий героев на протяжении всего повествования и скрывающий от них красоту и величие кавказских гор – символ заблудшей человеческой души, не осознающей, как богата жизнь. Физический недостаток героини порождает духовную ущербность. Медработники, напоминающие герою служителей церкви – знак того, что единственно верный путь избавления от всех недугов, физических и духовных – путь к Богу.

Библейской символикой насыщен рассказ **«Время собирать ягоды»** (2001), начиная с названия, отсылающего к ветхозаветному *«Время разбрасывать камни, время собирать камни»* и заканчивая именами героев. События происходят в 1990-е годы в одном из леспрохозов Дальнего Востока. Почувствовав близкий конец, старуха Мария решила открыть сыну тайну его рождения. Уговорив Илью отвезти её в лес за брусникой, она долго пыталась отыскать то место, где ещё в 1950-е годы погибла его родная мать – Магдалина. Тогда они вместе отбывали срок в БАМлаге, работали на лесоповале. Марии, жене «врага народа», не было ещё и двадцати, когда *«на долгом этапе из Омска до БАМлага, её, молодую, ядрёную девку, не жившую с мужем и года, уводили из вагонзак к себе конвойные и пьяно, по-скотски, насильовали».* Тогда же она потеряла ещё не родившегося ребёнка. Задавленной лиственницей Магде, *«худющей, но всё равно красивой еврейке»*, она поклялась *«найти и поднять на ноги»* её сына. *«А сколько бумаг разных пришлось насобирать, чтобы спустя три года, летом пятьдесят седьмого, увидеть его впервые в казённой одежде, под другой фамилией, с неродным отчеством и с детдомовской вызывающей грустью в крупных чёрных глазах...».*

Илья, разменявший шестой десяток, уже пятнадцать лет как знает о том, что он не *«Ковалёв Илья Васильевич, а Нейман Илья Аронович».* Но не решается сказать об этом матери, видимо опасаясь при-

чинить ей боль. Тем более, что он от врачей областной больницы узнал, что *«у матери рак и протянет она месяца два, может, три от силы»*. Так и не вышедшая замуж и не родившая своих детей Мария всю жизнь посвятила приёмному сыну, как-то незаметно для самой себя, уверовав в сотворённый миф. Библейские параллели придают повествованию универсальный, общечеловеческий характер и одновременно затушёвывают трагический пафос произведения.

Вопреки всем испытаниям, герои Симачёва живут в любви и дорожат чувствами друг друга. *«Увидела сына, который в болотниках устало брёл по воде, пересекая ключ наискосок, пожалела, что и он прожил жизнь не ахти какую, проищачил большую часть на лесовозе, разменял шестой десяток и остался без работы на старость лет – лесопункт закрыли. Рано начал лысеть – служил на подлодке, потому и женился, наверное, поздно: кто ж за лысого пойдёт. Поздние дети... Один внук ещё в школу ходит, а другой в армии. Кстати, как он там, надо спросить... И сейчас в машине, на обратном пути, она ему всё расскажет. Будь что будет... Проклянет за испорченную жизнь – так проклянет! Промолчит – и на том спасибо»*.

О чём пишет Леонид Симачёв? Если суммарно представить его произведения, то увидишь, что в поле писательского зрения жизнь двух поколений: поколение отцов и поколение детей, ровесников автора.

Поколение отцов – это люди, окружающие детство писателя и его героев. Оно у персонажей Симачёва прошло в *«небольшом пристанционном городке»*, а у самого автора в том же городке, но под вполне конкретным названием Сковородино. Основой и двигателем жизни здесь являлась железная дорога и большинство населения, то есть отцы служили ей и на ней. Они держали своими трудами производство, обеспечивали, насколько могли в тех условиях, благополучие своих семей, как правило, многодетных, что было их откликом на недавно отгремевшую войну.

Рассказ *«В перерыве между таймами»* (1978) так и начинается с типичной для тех лет многодетности: *«В конце сороковых – начале пятидесятых отцы нашего небольшого городка расстарались во всю. Когда мы пошли в школу, нас оказалось более ста двадцати первоклашек: три класса с добавкой»*.

В рассказе *«Премьера фильма в Моршанске»* (1985) герой из поколения отцов вспоминает о своих рабочих трудах на небольшом разъезде: *«Он строил первую казарму и постройки вокруг, копал колодец и рубил баню, рыл ямы под телеграфные столбы и склады ГСМ. Он с закрытыми глазами мог отсюда пройти по околотку де-*

сятки километров в одну сторону и другую».

Кем бы ни были отцы: машинистами или обходчиками, людьми большой силы или умеренной, в глазах растущих ребятишек они выглядели атлантами, надёжно и крепко держащими небо своего времени. Причём, делали это терпеливо и честно, с осознанием необходимости и со всею ответственностью. Они не жаловались на тяжёлую долю военного и послевоенного лихолетья, никого ни в чём не винили и жили в гармонии со временем, с семьёй, работой и не всегда милостивым к ним государством.

Вот эта гармония с жизнью и прочный нравственный стержень характеров старшего поколения и стали самым сильным впечатлением и примером для детей. А когда отцы постарели, они увидели, что детям не придётся наследовать их тяжёлый физический труд с ломом, молоком и лопатой. На смену многим ручным работам пришла автоматика и блокировка. В радости своей старики, возможно, не подумали, а что же тогда унаследуют от них дети? Но это была уже проблема детей.

У Леонида Симачёва в рассказе **«И даже если срочная...»** (1974) есть сильно выписанная картина прощания с отцами и отдания им последней почести: *«Я вспомнил, как хоронят у нас дома машинистов. Длинная, чёрная от железнодорожных тужурок колонна. Впереди деповское знамя. Сосредоточенные, смотрящие прямо музыканты духового оркестра. Обнажённые, сплошь седые головы в первых рядах. Скребущие звуки медных тарелок. Люди медленно поднимаются в сопки. Там заросшее, терпко пахнущее багульниковым кладбище. Солнце жгуче светит. Блестят трубы оркестрантов. Блестят пуговицы на тужурках. Блестят ордена на алой подушечке... И в это время, сначала тихо и печально, потом всё громче и громче раздаётся паровозный гудок. Его подхватывает другой паровоз, потом третий... Холодеет под сердцем. Где-то на перроне пассажиры перестают суетиться. Они негромко переговариваются с осмотрщиками вагонов. Немного погодя, поезд трогается. Локомотив осторожно набирает скорость, плавно проскальзывает по мосту над рекой и, прежде чем исчезнуть в скалистой выемке, долго и протяжно кричит...»*.

Так что ж унаследуют от отцов их дети? Вернее, что будет им дорого унаследовать? Это тема большинства рассказов Леонида Симачёва.

Вопреки ожиданиям отцов дети выбрали для себя нелёгкие пути. Они откликнулись на зов своего времени, девизом которого был не энтузиазм, как у отцов, а романтика, и отправились искать её в далёких от дома краях.

Сам автор, а следом и его герои, прошли через мореходное училище, затем с китобойной флотилией бороздили моря и океаны. Тяжёлой морской работы они испытали сполна. Гораздо сложнее оказалось достигнуть гармонии с окружающей жизнью, не растерять в жизненных невзгодах нравственной стойкости и не запутаться с исканиях. Там, где героям Симачёва это удаётся, они познают великое счастье. Когда не удаётся – они терзаются, мучаются, ищут выхода и счастливы бывают самими поисками. Позиция автора такова, что жизнь надо принимать как праздник, какую бы она ни была.

В отличие от отцов, чьим уделом было раннее взросление и стойкость на протяжении остальной жизни, дети, уже ставшие на избранные пути и сами зарабатывающие свой хлеб, не спешили взрослеть и продолжали искать. Они сомневались, раздумывали, колебались, не улавливали той точки, когда развитие заканчивается и начинается свершение.

Ощущение долгого взросления Симачёв передаёт в рассказе **«В перерыве между таймами»** (1978). Двое друзей детства, встретившись через много лет, размышляют о себе: *«За эти годы многое произошло, мы уже почти тридцатилетние. И мы всё ещё ищем себя. Да когда он останется этот последний рубеж, после которого всё станет ясно?»*. Здесь же писатель даёт объяснение долгому взрослению своих героев: *«Мы все сейчас хорошо живём. Всё упорядочено, спокойно, нормальный ритм жизни»*. И рядом пророческие слова: *«Просто, если встряска и нужна, то общая, общепародная»*.

Из-за сомнений, колебаний у героев Симачёва нет уверенности, что они держат небо своей эпохи. Но, став отцами, они стараются держать небо над кроватками собственных детей. *«Старшему у меня семь лет. Младшему – три. Два пацана... Пистолеты, автоматы, мокрые ноги, цыпки на руках и кораблики весной, жалобы из детского сада, от соседей, от деда с бабкой... Вот так и идёт всё своим чередом. В школу надо собирать... – У него в глазах мелькнул довольный, новый для меня, отеческий проблеск. – Вывески уже читает. Печатными буквами пишет «папа Гена». Только букву «Е» почему-то рисует задом наперёд»*, – рассказывает один их героев.

Интересно, какими они кажутся лежащим в колыбели младенцам, девизом времени которых станет экстрим и адреналин? Писатель об этом ничего не рассказывает, потому что ограничивает время действия своих героев семидесятыми-восьмидесятыми годами минувшего столетия. Это время он описывает в светлых, лиричных и немного грустных тонах. Какие краски он бы взял для отображения двухтысячных годов мы так и не узнали. Поэтому возникает мысль о том, что он не захотел отображать это время.

Герой рассказа «Кукушкины слёзки» (1980) Шелихов пытается вырваться из прежнего себя, отыскивая Альку, которую когда-то, много лет назад, походя жестоко обидел. Влюбив в себя девушку, Шелихов не стал противиться обстоятельствам: *«Он просто не мог. Не вышел на вахту третий помощник капитана, и Шелихов тянул за него, следующие сутки – за себя. Затем вновь нахлынули ходовые испытания, снова погрузка продуктов, висевших на его шее. Приказ – всем на борту: в любой момент могли уйти на рейд. Короче, отходная горячка захлестнула его. Разумеется, можно было выкроить часок, но прошло уже несколько дней, и она могла подумать, что он испугался, смалодушничал, и его объяснения показались бы надуманными оправданиями, да и, в конце концов, если так сложились обстоятельства, он же не намеренно отлынивал от встречи, совесть его чиста...*

В море, на вторые сутки, когда все земные служебные хлопоты остались позади, и началась размеренно-устремлённая морская жизнь, он с ужасом вспомнил, что даже не знает её фамилии. Спрашивал когда-то – и забыл.

Вначале он себя чувствовал неудобно. Можно сказать, что подлецом. Но началась охота, всё притёрлось, месяц шёл за месяцем».

Шелихов пять лет не был во Владивостоке. Приехав в этот город вновь, обедая в столовой, он *«почувствовал, что на него смотрят. Видимо, давно. Он поднял голову. За соседним столиком сидели женщина и мальчик лет пяти-шести. Мальчик неохотно ковырял в огурцах вилкой, держа её как карандаш. А женщина в упор смотрела на Шелихова».* Буквально через несколько мучительных минут герой понял, что это Алька, с которой он расстался без объяснений и оправданий. И он решил встретиться с Алькой вновь, обрести прежнего себя.

Как отмечает Анатолий Кайда: *«Мы верим в эту попытку Шелихова, верим, что у него это не минутный порыв. Но мы вовсе не уверены, что Алька простит его, и очень хорошо, что автор не договаривает, а даёт возможность читателю самому подумать над тем, как в дальнейшем сложится ситуация»* (Амурский комсомолец, 1984, 11 мая, с. 2).

Состоянием души похож Шелихов на Китлицкого из рассказа «Сохрани огонь» (прежнее название «До зимы далеко») (1981). Китлицкий, как и Шелихов измучен самому себе непонятным ожиданием. *«С кружкой пива и порцией креветок он протиснулся к “своему” столу и приткнулся в самом углу ребристых, неподвальному натужно раскоряченных, сводчатых колонн».* У него вроде бы есть своё место в жизни, свои привычки, но в то же время

его не покидает какая-то неудовлетворенность. Герой долгое время не мог связаться по телефону с Киной, которая предназначена ему судьбой. Но осознал это Китлицкий только в разлуке и только потому, что она несколько дней не отвечала на его звонки. *«Китлицкий женился рано. Ещё студентом, на однокурснице, и студентом же – овдовел. Организовали почти самостоятельную маленькую экспедицию на Байкал. Он был “застрельщиком” и как бы руководителем. Были небольшие, по крохам накопленные средства, один акваланг, надувная резиновая лодка ну и кое-какие мелочи... Жена вымолила разрешение поработать с аквалангом. Когда подняли – она была мертва... Сердце... Работала со страховочным линьком, а так бы – могли и не найти. О медицинской комиссии перед экспедицией, разумеется, и не подумали... Наверное, с того дня он стал педантом даже в мелочах, а один раз ему прямо в глаза сказали: зануда.*

После гибели жены он года три не мог работать под водой...».

Безусловно, вина себя в гибели молодой жены, Китлицкий боялся вступать с женщинами в серьёзные отношения, тем более заводить семью. Но пришло осознание того, что *«хватит разбросано жить»*, *«кургузо жить»*. Возникло желание быть нужным женщине, которую он, как неожиданно открылось ему, любит. Понять и принять это ему помогла не разлука с ней, а то, что он почувствовал себя брошенным. Ведь погибшая жена-студентка тоже его «бросила» – умерла. После того, как Китлицкий, наконец-то, услышал в трубке голос Надежды, понял, что любит её, и убедился, что его чувство взаимно.

Примечателен в этом смысле сон, который Китлицкий увидел в самолёте по возвращении в Москву. *«Посредине заполненной вечно спешащими людьми улицы плакал мальчик. Он потерялся. Над ним участливо склонились две женщины. Мальчик отвечал на расспросы, заметно успокаиваясь, показывая куда-то в сторону. Женщины выпрямились, и Китлицкий вздрогнул: это были покойная жена с Надеждой. Они взяли за руки мальчика и уверенно повели его, временами скрываясь за фигурами торопящимися людей. Они выискивали кого-то взглядом, и вот, наконец, увидели Китлицкого и одновременно взмахнули руками. Ускорили шаг и стали приближаться. Улыбаясь, подходили всё ближе и ближе, и в мальчике Китлицкий стал узнавать себя. “Не может быть – сказал он. – Не может быть!”*, – и пошёл навстречу, пытаясь объяснить, что этого никак не может быть..

Китлицкий проснулся с ощущением того, что у него всё ещё шевелятся губы. За спиной кричал ребёнок».

Китлицкий долгое время жил потерявшимся, но сумел обрести себя и победить одиночество. Благодаря любви. Благодаря тому, что *«он, в конце концов, уверился, что всё это приснилось ему тогда, когда пролетали над Байкалом»*. Таким образом, замкнулся круг жизни Китлицкого – той жизни, в которой он винил себя в смерти юной жены. Вещий сон подарил ему «прощение», а вместе с ним новую любовь и новую жизнь.

В финале рассказа *«Китлицкий продрался поперёк людского потока, со школьной лихостью бросил портфель себе в ноги и обнял, стягивая с её голову шапочку»*.

– Кит, что с тобой? – она испуганно и вопрошающе смотрела на него. – Ты такой обугленный... На тебе лица нет.

– Ничего – он лохматил её волосы и как бы погружался в них светлеющим лицом. – Сейчас поедем в лес... Я хочу, чтобы всю нашу жизнь ты пахла костром».

Почему именно костром всегда должна пахнуть его женщина? Ответ на этот вопрос Китлицкий дал чуть раньше, когда размышлял над своей жизнью: *«Сейчас бы у костра посидеть. Воистину с костром не бывает одиночества. Но огонь таки, Кит, нужен свой. И не искусственный, и придумано-ворованный... И не чужой»*.

Любовное чувство привлекает Симачёва тем, что оно способно преобразовывать и очищать человеческую душу. Писатель показывает своего героя через призму настоящих живых человеческих чувств и эмоций, через великодушную и чистую любовь.

Думается, что вряд ли мы ошибёмся, если предположим, что Леонид Симачёв вслед за Александром Куприным считает, что у каждой конкретной личности любовь своя, и она сочетает в себе свой особенный вкус, свою горечь, свою радость, свою прелесть, своё очарование. Любовь в понимании писателя есть то единственное, что может воспрепятствовать уничтожающему воздействию цивилизованного мира на человеческую душу. Это чувство жертвенное, вдохновляющее, светлое, абсолютное, способное на духовное, нравственное развитие и созидание.

Читая произведения Симачёва, приходишь к выводу о том, что любовь выявляет в человеке всё самое лучшее, самые высокие качества его натуры. Для амурского писателя сила любви состоит в преображении души.

Симачёв не просто изучает личность определённого героя, но и старается постичь вечные проблемы существования, высший смысл бытия.

Отпускной моряк Ивлев из рассказа **«Ленинградский коверкот»** (1977) приезжает в Москву к слепому дяде Павлу Алексеичу,

бывшему железнодорожнику. Он вслушивается в его воспоминания, представляет своего деда и отца молодыми и здоровыми.

«Я здесь кочегаром на паровозе уже два года работал. Ну, твой отец прямо из деревни сюда подался. В штанах из мешковины – но не в лаптях, правда. Не помню, что на ногах было, но не лапти. Утром говорю: пойдём вместе, я за тебя похлопочу. С работой тогда трудно было. А он говорит: нет, я сам. Упрямый у тебя отец, а тогда и вовсе гордый был. Короче, потому и в вагонники попал. А так бы я его на паровоз мог определить».

«Через год он был слесарем-вагонником, ещё через год – осматривателем вагонов. Приняли в комсомол. Принимали в клубе, который до сих пор сохранился. Он здесь рядом: с балкона ты должен видеть. Тогда его только отстроили. Замечательный дворец для железнодорожников. Оркестр, праздничные речи... Особо отличившимся – ценные подарки. Не премии, а ценные подарки, понимаешь?! И вот твоему отцу – отрез на костюм. И квитанция на бесплатный пошив – то есть за счёт депо, конечно. Вот как он работал! Ленинградский коверкот! Песочного цвета... Мечта! Не английский, а уже наш, отечественный, ленинградский! Шить костюм заказал на Малой Бронной, не знаю – кто посоветовал или сам решил, ведь на примерку туда добраться – уйму времени потеряешь. Но пошивочная – высшего класса. Сшили, что и говорить, классно!».

Герои произведений Леонида Симачёва – люди разного возраста, разных профессий: железнодорожники и моряки, геологи и океанологи, таёжные жители и горожане, молодые люди и старики. И живут они разных уголках нашей страны: во Владивостоке, в Подмоскovie, на маленькой железнодорожной станции Амурской области. Писатель интересно рассказывает об их жизни и работе. У них разные жизненные истории, они неидеальны, совершают ошибки. Но, оказавшись в сложной жизненной ситуации, герои Симачёва способны сделать единственно верный выбор и остаться человеком.

Главное внимание автора направлено на моральные проблемы – взаимоотношения людей, их ответственность за судьбы друг друга, за воспитание подрастающего поколения. Основная тема, конфликты рассказов – социально-нравственные.

Во многих своих произведениях Леонид Симачёв использует приём предварения событий: описания природы создают определённую эмоциональную атмосферу, готовят читателя к восприятию, показывают, в каком направлении будут развиваться эти события, к каким последствиям они приведут.

Показательны в этом смысле рассказы «Капитан» (1977) и «Кукушкины слёзки» (1980), начало которых призвано создать

у читателя настроение душевного волнения, вызвать ощущение беспокойства за героя.

«Если бы он вышел рано утром, то снег хрустел бы у него под ногами, этот, пожалуй, последний весенний снег. Можно было бы с любовью потоптаться по нему, вслушиваясь в шуришащие оттенки хруста, чтобы потом, в море, когда-нибудь непроизвольно вспомнить об этом, как о чём-то земном, хорошем и близком. Потому что вернутся они в ноябре и, наверное, в уже снежное, хрусткое, солнечное утро. Но сейчас была середина дня, а под ногами – размешанная и взбитая сотнями ног талая хлябь» («Капитан», 1977).

«В конце ноября здесь часто шли дожди, а он приехал в шубе. Шелихов знал про здешнюю погоду, но там, откуда он приехал, стояла уже зима, и клясть себя надо только за то, что поленился взять плащ. Шелихов приехал всего на неделю и думал, что всё обойдётся. Когда он собирался, ему, впрочем, было наплевать на всё – он пять лет не был во Владивостоке. С утра тоже шёл дождь, сдобриваемый временами холодными порывами ветра» («Кукушкины слёзки», 1980).

Использование пейзажных описаний в рассказе **«Премьера фильма в Моршанске»** (1985) создаёт психологический настрой восприятия повествования, помогает раскрыть внутреннее состояние героя, подготавливает читателя к изменениям в его жизни. *«Скреплеву снился родной дом и первый пахучий снег, валивший всю ночь оттуда, где вчера холодно и вечно мерцали звёзды, никак не предвещающая ничего подобного, снился сын с санками в руках, спускающийся вниз по лестнице и оповещавший полязгивающим грохотом полозьев по бетонным ступеням: снег идёт! – снился ярко-синий, с жёлтыми подпалинами от светящихся окон, не загаженный ещё гарью и копотью кочегарок, заснеженный вечерний городок, с тонким рубчиком молодого месяца, золотистой стёжкой зависшего над юго-западом, и мысль: “Ага! На новый месяц и погода переменялась...”»*.

Формы присутствия природы в произведениях Леонида Симачёва, начиная с самого первого рассказа **«Заяц»** (1968) разнообразны. Приведём несколько примеров.

1. Собственно пейзаж. Симачёв использует пейзаж как для изображения реального места и реального времени, уточнения обстоятельств действия, так и для того, чтобы подчеркнуть, выразить, предельно обнажить внутреннее состояние героя, который находится в полной гармонии с ним.

«Был первый день июня. Цвела черёмуха, кое-где на северных склонах доцветал багульник, сквозь рванный гул мотора пробивалась

вечно неизменная песнь кукушки. Перминов сидел слева у окна, смотрел на наливавшуюся с каждым днём всё более и более зелёной густотой речную пойму, вдоль которой шла дорога, знаменитая тем, что именно с неё начинался легендарный АЯМ, на саму речку, синё холодневшую среди черёмуховой пены, на редкие вековые лиственницы, чудом уцелевшие у реки, печальное пристанище таких же вековых воронов, которых летом почему-то не замечаешь с такой назойливостью, как зимой, когда они остаются одни; потом рёв мотора натужно поплотнел, солнце залило автобус с левой стороны, и у Перминова заложило уши – они свернули с трассы и поползли вверх, по осыпающей щебёнкой таёжной дороге, по отрогам сопок к станции» («Тишина обкошенной межи, или Наивный романтизм перестройки», 1983, 1989).

«Он спустился к реке. Поднялся до переката и перешёл на другую сторону реки, где ещё не был. Перед глазами была длинная серая марь. Она какая-то мёртвая. С обгорелыми пнями и тусклыми отвратительными озерцами, на которых никогда не водилось уток, а рыбы – тем более. Они были с вонючими торфяными берегами, кое-где жёлто-грязные, как смешанная в банке акварель с водой. И даже лягушек там меньше» («Двое», 1969).

«Дождевые капли перестали шуршать по тенту грибка. Ощущение моря стало явственнее. Волны накатывали на берег, замирали на мгновенье и нехотя уползали обратно, оставляя пену, которая с тихим жарким шёпотом быстро впитывалась в песок. Пахло рыбой и водорослями» («Ленинградский коверкот», 1977)

«Шли по оврагу. Потом по тропинке, которая, если проходила подножия сосен, то была вся переплетена жгутами корневищ и, чтобы не спотыкаться, мужчина и мальчик взяли за руки. Стволы сосен были смолистые и жёлтые в лучах заходящего солнца, как отваренная кукуруза» («В ладонях детства» (прежнее название «У Москвы-реки»), 1970).

«Забайкальский майский полдень. Склоны сопок бледно-розовые, местами фиолетовые, а то и ярко-красные от цветущего багульника, на южном – так уже и отцветает. И лиственницы кое-где в свежей нежно-зелёной дымке. Вода в реке бурливая, холодная даже на вид и, как отвар. Жёлтая от тающих ключей, настоянных на прошлогодней хвое и листьях» («Цирк приехал», 1980).

Картины природы, не теряя своей значимости, позволяют автору передавать чувства и настроения персонажей, эмоционально дополнить и описываемые в рассказах события.

2. Олицетворение.

«Заяц выскользнул из рук, проволока вновь натянулась. От его

скачков берёза задрожала. Ветви укоризненно закачались, роняя на снег чудом оставшиеся последние листья. Пашке показалось, что сама природа в лице этой берёзки стыдит его за что-то.

А заяц прыгнул вперёд. И от неожиданности остановился, почувствовав свободу. Всё ещё не веря себе, он несмелыми скачками стал удаляться. Но вдруг прыжки его замелькали часто-часто, и через какое-то мгновение заяц совсем скрылся из виду. Пашка ещё постоял немного, потом улыбнулся и пошёл обратно» («Заяц», 1968).

«Солнце только выкарабкалось и осветило умытую росой осеннюю тайгу, верхушки двух по всем правилам поставленных палаток, а река сразу отдала синевой» («Двое», 1969).

«Утренняя роса просохла, солнышко пригревало, едко пахло уже сгнившими грибами, которые во множестве, с чёрными, прибитыми ночным морозцем оплывшими шляпами, кособочились то там то сям» («Время собирать ягоды», 2001).

«От заиндевших после ночного мороза вагонов тянуло зыбкой стынью. Солнце, пытаясь подняться выше, лишь блекло намечалось сквозь туман и дым кочегарок» («Умер Савельич» (прежнее название «Умер Тимофеич»), 1982).

3. Описание животных и растений.

«Заяц же изворачивался, поцарапал Пашке руку и, наконец, зачих, кусая в изнеможении лапу. Пашке стало не по себе. «Как человек – подумал он, – совсем, как человек. Ведь я тоже кусаю губы, когда мне больно». Внезапно заяц закричал резко и пронзительно. Он кричал, как ребёнок, зовущий мать. В утреннем лесу этот крик раздавался неестественно громко и даже немного страшно. У Пашки вдруг защемило внутри от этого крика. Появилась необъяснимая жалость к зайцу. И, совсем забывшись, он стал уговаривать его замолчать, даже попытался погладить».

В ответ на крики зайца послышались шум крыльев и карканье ворон. «Видимо, так кричат перед смертью, чтобы вороны услышали и слетелись», – догадался Пашка. <...>

Бросившись к зайцу, он взял его на руки и стал снимать петлю непослушными руками. «Быстрее, быстрее отпусти его!». Пашка, суетливо торопясь, освободил зайца и опустил его на снег. И только сейчас заметил, что кончики ушей у косоного чёрные, а сам он ещё совсем молодой. «Кажется, это его первая зима», – догадался Пашка» («Заяц», 1969).

«Пней по этому южному склону было много, но они все заросли чащобником, и она натыкалась на них случайно. Одни сгнили напрочь, каким-то чудом сохраняя свой трухлявый остов, разруша-

ющийся при первом же прикосновении; другие, вовремя ошкуренные либо медведем в поисках муравьёв, либо дятлами и клёстами в поисках личинок, высохали на ветрах и солнце, становясь всё более белёсыми и седыми и затвердевшими снаружи как кость. Лишь отторгнутые почвой, вылезшие из-под хвои и листьев, узловато-скрученные и такие же сухие корни да гнилое нутро, куда любят заглядывать юркие колонки и гоняющий их соболишка, говорили – и они не вечны. <...>.

Любые вырубki губят лес в этих краях. На месте вековых деревьев через два-три десятка лет вырастает плотной стеной ольха, мелкий осинник. Берёзовый ерник, по земле расползается плотным пахучим ковром свиной багульник» («**Время собирать ягоды**», 2001).

«Первой, хромая на переднюю ногу, шла олениха. Несколько отстаив, за ней плёлся оленёнок. Почувствовав людей, олениха чуть встрепенулась, застыв на мгновение, потом снова пошла, но медленнее и изящней, легко и грациозно, словно на манеже, поджимая ногу. Одну палатку они миновали не останавливаясь. У другой замедлили шаг. Олениха подошла к дощатому столику на вкопанных берёзовых ножках, раздувая ноздри, обошла кругом и замерла, нехотя пощипывая ещё ровный мох. Оленёнок, доковыляв до матери, потянулся было к столику, но, сделав всего шаг, устало подогнул ноги и лёг на землю» («**Двое**», 1969).

«На тормозной площадке товарного вагона сидела на цепи взъерошенная собака. Она порядком намучилась, но сил огрызаться, видимо, ещё хватало. Она рычала, когда к ней пытались приблизиться, шерсть на загривке пошевеливалась, ноги подгибались для прыжка, а цепь, пристёгнутая к скобке, тяжко позвякивала. Собака была крупная, обличьем более походила на овчарку, чем на дворнягу, особенно когда у неё вместе с шерстью серой массы торчком вздымались и твердели высокие уши» («**Умер Савельич**» (прежнее название «**Умер Тимофеич**»), 1982).

«Кашалот удивительно спокойно подпустил нас на выстрел, потом ещё ближе, и ещё. Мы видели, как он огромной сигарой плывёт под водой. Затем вода вскипала и на поверхности проклёвывалась глыбистая голова, похожая на рубку подлодки; следом прорезал воду оплывший салом спинной плавник и появлялись тугие, тёмно-коричневые на солнце, бока кашалота. Ближе к хвосту кожа была в мелкой ряби и походила на гофрированную жесть после дождя. На позвоночнике, протянувшись к хвосту, одиноко и гордо, словно фараоновы гробницы, торчали треугольные наросты. Он равномерно погружался; на выходе, отдуваясь, давал фонтан – до мостика до-

носились свистящее «у-уф!» – и снова погружался» («И даже если срочная...») (прежнее название «Срочная радиограмма»), 1974).

Рассказ «Оло» (2014, 2017) написан в свойственной стилю писателя манере лиричности, поэтичности и глубокого психологизма. Симачёв становится на «точку зрения» собаки, пытаясь изобразить мир, людей, других зверей, жизненные коллизии такими, какими они могли бы предстать в глазах животного.

Повествование ведётся в форме воспоминаний пса Оло, настраивая тем самым читателя на восприятие его как человека со всем комплексом присущих ему интеллектуальных и душевных качеств. *«Насколько помнил: в младенчестве он всегда хотел есть. Его братья и сёстры тоже кругами ходили по этой вонючей загородке внутри узкого, пенало-образного сарая, располовиненного сеткой-рабицей поперёк; хозяин давно не убирал – они топтались в грязной вонючей жиже, и, поскуливая, временами кидались к решётке, неумело тявкая, будто что-то нужное и важное хотели прогавкать хозяину, так редко появляющемуся в их короткой щенячьей жизни. Иногда они кидались к матери, пытаясь присосаться, к этой сладкой, увядающей, тёпло-пахучей брюшине, но мать, быть может, с болью потайной, злобно рычала и больно прикусывала их, отгоняя, мол, всё: детство кончилось».*

Создавая образ симпатичного пса Оло, автор прослеживает его жизнь – от рождения до трагической гибели.

Практически в самом начале повествования Симачёв индивидуализирует щенка: *«Из помёта он был крупнее всех. Может, не такой поворотливый, но весом своим он выдавливал во время кормёжки сородичей из кружка, опоясывающего долгожданную лохань с едой, раскидисто упираясь лапами у кромки, и ел, ел, совсем не слушающая погатываяющее одобрение хозяина, нетерпеливо ждущего, когда опустеет лохань с объедками».*

При создании образа животного писатель применяет традиционный приём остранения (способ разрушения стереотипа в понимании смысла текста: вывести читателя «из автоматизма восприятия», сделав для этого предмет восприятия непривычным, странным), наделяя животное способностью думать, анализировать обстоятельства и делать соответствующие выводы. Особенно интересно наблюдать за взрослением щенка и его отношениями с новым юным хозяином, одновременно с которым они мужали.

«Наступила зима. Он по-прежнему спал в коридорчике. Шерсть стала гуще, с подшёрстком и пухом. Хозяин временами вычёсывал его крупным гребнем. И это были приятные и радостные вечера... Он поворачивался одним боком, другим, ложился на спину, блаженно

поскуливая».

«Прошли зима, весна, лето и к осени он превратился в широкогрудую мощную лайку рыже-палевого окраса, а его хозяин – в коренасто-крепкого призывника».

Главное собачье ощущение – это обоняние и слух, Симачёв знает это и описывает различные запахи и звуки в восприятии животного. Так, читаем в рассказе:

«И вот настал день, когда вечно пьяный, пропахнувший чужим домом хозяин, выгреб его из тесного закутка, взял за шкирку и засунул себе за пазуху, ткнув мордой в кисло-потную подмышку, подержал немного, якобы для того, чтобы навсегда запомнил, да он его и так никогда не забудет; похрустел свободной рукой бумажными деньгами, запихивая их в брючный карман, а потом отдал в сухокоптявые руки подростка, прижавшие его к груди».

«Иногда, очень рано утром, они спускались вниз к железнодорожной станции. Там пахло креозотом, постылыми за ночь, рельсами, хрипели динамики, стучали молотки осмотрщиков – и это было в новинку для Оло».

«Терпеливо ждал, когда зазвонит будильник, чтобы подать голос – мол, пора! Вот один сосед прошёл на ранний поезд, другой... Вот пулемётной очередью, яро, каблуками процокала по лестничным ступеням девица с пятого этажа. И, наконец, звонок трещащий старого будильника... И радость!».

«Забежал во двор небольшой больнички, но там из кузова самосвала, приспособленного под мусорку, висел в воздухе такой медикоментозно-табачный запах, что он, зачихав, потерял обоняние. Захотелось пить. Дождей последнее время не было, а посемя и луж тоже. Высунув донельзя язык, он подошёл к кочегарке, стоявшей неподалёку. Из открытой двери веяло теневой прохладой. Доносился стук водяных капель. Он с опаской заглянул внутрь, и пошёл на шум воды. Слабая струйка из неплотно затянутого крана разбивалась о бетонный пол. Оло подставил язык, лакая скудные капли».

Изображая психологию собаки, писатель старается показать приоритет впечатлений над «разумом», делает акцент на ощущениях тех органов чувств, которые более развиты и по-другому устроены у животного, мотивирует его поведение инстинктами. *«Ему нравилось плавать. Он резким рывком бросался в реку, грудью таранил гладь воды, и возвращался довольный обратно с огрызком палки в зубах. Преданно подходил к хозяину, вручая палку, а потом отходил в сторонку, чтобы не забрызгать хозяина, прогнувшись – шумно отряхивался, чихая и фыркая, выгоняя из ноздрей попавшую воду».*

«Загалдели сороки, будя его сон. Он нехотя вылез из будки. Обнаглевшие птицы, не стесняясь в последнее время, скоблили клювами хозяйскую кастрюлю. Зарычав, он прыжками понёсся к ним, свирепо-разозлённый... И, о чудо, ошейник старый и потрёпанный, как и цепь, затрещав, лопнул. А он всё прыгал и прыгал, не веря себе. Ошейник, разорванный пополам, как и сама цепь – остались позади, а он вперёд и вниз-вниз, к забору! Оттуда приходила Она!.. Вот дыра, прорытая ею под металлической пластиной. Но дыра мала. И он с яростью принялся рвать дёрн когтями, расширяя лаз. Потом не выдержал и попробовал. Оставляя клочья шерсти и шкуры, наконец-то, выскребся наружу. Он свободен».

Характерные для собаки повадки Симачёв раскрывает не столько путём описания, сколько в значительных событиях развивающегося действия.

«Хозяйка стала выпивать. Часто плакала, пощёлкивая по влажному носу, сухими, казённо-пахнувшими конвертами, приговаривая незнакомое: «Чечня, Чечня, Чечня...». А однажды, позвякивая бутылками в матерчатой сумке, привела сожителя, перегарно-дышащего, и чем-то напоминавшего ему первого хозяина. Мужичок не больно пнул его по рёбрам, отодвигая от прохода, и деловито прошёл на кухню, сел за стол и остался навсегда... И Оло понял, что другая жизнь действительно началась».

Вскоре прежние хозяева продали Оло. Возможно, пёс напомнил хозяйке о сыне, погибшем в Чечне. А, быть может, она не хотела тратиться на содержание собаки. Так или иначе, но: «Как-то утром на исходе зимы, мужичок не стал его выпускать, а, достав поводок, бесхозно висящий на гвоздике у двери, начал прилаживать его к ошейнику. Оло зло запротестовался, и прихватил пастью мужика за рукав; за что был отстёган поводком. Они вышли на улицу и направились вниз, но не на станцию, как подумал Оло, а к небольшому ряду новых добротных, из полированного кругляка сложенных, домов. Остановившись у одного из них, мужик долго тарабанил в калитку высокого зелёного забора, пока не открыли.

– Вот, как договаривались – и он кивнул на Оло.

Опять знакомо зашелестели купюры, и новый хозяин сказал мужику:

– Иди, сам сажай его на цепь...

Цепь была ржавая, видно ею давно не пользовались, как и толстая длинная проволока, на которую она была насажена. На шею Оло с хрустом щёлкнул карабин, и он оказался на цепи».

Примечательно повеление Оло у новых хозяев: «Вынесли широкую кастрюлю с едой, но Оло зарычал, показав клыки, шерсть на

загравке вздыбилась. Испугавшись, люди поставили кастрюлю, и схватив, попавшиеся грабли, по снегу пододвинули её к Оло. Отвернувшись от еды, Оло подошёл к старой, почерневшей от времени, будке. Понюхал. Запах прежней собаки, как и труха от сена, внутри ещё сохранились. Он брезгливо обогнул будку и, свернувшись клубком, лёг в снег.

Психику Оло Симачёв раскрывает двояким способом:

1. Путём размышлений самой собаки.

«От тоски он начал подвывать по ночам, подзывая её. Он чувствовал, что она где-то недалеко. Он найдёт её. Но он был на цепи. Ему снились сны. Неправда, что собаки всё видят в сером цвете. Так пишут люди, сами никогда в жизни цветных снов не видевшие... Ему снилась весенняя речка с жёлтой весенней водой, зелень ивняка по берегам, пробивающиеся пятячки зелёной травы и желтизна первых одуванчиков среди них. А он бежит с ней по этому простору, игриво загоняя её в воду».

2. Путём авторской интерпретации её психических состояний.

Пёс не понимает смысла некоторых человеческих действий, не знает назначения человеческих предметов, по-своему оценивает не только запахи и звуки, но ощущения и воспоминания. Даже в последние мгновенья жизни он вспоминает своё детство: *«И тут его накрыли брезентом и, придавив, повалили на мокрый пол. Послышались голоса. Оло вспомнил детство, когда хозяин испытывал их, ещё полуслепых, выкладывая их на табурет. Они ползали по нему, одни падали, другие, покрепче, держались середины, понимая – за краем опасность. Теперь Оло понял, что он упал... Что-то тяжёлое рухнуло ему между ушей и он окончательно погрузился в темноту. Вечером из кочегарки вкусно пахло. «Заходи, Петрович, шурпа!..», – донеслось изнутри проходившему мимо, очевидно, начальнику. Была пятница, у него свои заботы и планы. И, почесав затылок, тот отказался...».*

Симачёв через образ пса Оло показывает ценность таких чувств, как дружба, привязанность, преданность, доверие, любовь. Писатель успешно, убедительно, выразительно решает художественную задачу по созданию драматического образа собаки. Он, необычно рассказывая, казалось бы, незамысловатую историю, пытается заставить читателя взглянуть на мир, в котором он живёт, новыми глазами – глазами пса Оло.

Писатель использует образ пса Оло в рассказе как средство для раскрытия одной из главных тем произведения – ответственности за животного, причём без дидактизма и морализаторства. Оло гибнет, потому что остался один, потому что собаке нужен добрый хозяин,

без которого ей очень трудно выжить. Как тут не вспомнить известные слова Антуана де Сент Экзюпери.

Рассказы Л. А. Симачёва продолжают традицию лирической прозы, заложенной И. С. Тургеневым, А. П. Чеховым и И. А. Буниным. Они лишены сюжетно-композиционного центра и максимально приближены к импрессионистическим зарисовкам: переданы только воспоминания, размышления, впечатления о них, которые сам писатель сравнивал с «любительскими фотографиями».

В постоянном соотношении, сопоставлении жизни людей и природы находит своё выражение одна из важных и существенных особенностей художественного мышления Леонида Симачёва. Мир людей и мир природы даны как единый поток вечно творящей жизни.

«ВО ВКУСАХ И ПРИСТРАСТИЯХ ОДНОЛЮБ...»:

Леонид Симачёв в воспоминаниях и оценках современников

*Потребность поделиться с окружающими
увиденным и пережитым есть в каждом из нас.*

Леонид Симачёв

***

Леонид Симачёв – лирик, поэт в прозе, ему подвластны тончайшие нюансы, оттенки, тихая аранжировка. В лучших своих рассказах Симачёв работает над словом деликатно и точно, нигде не переходя в игру со словом. Сцены, создаваемые им, всегда органичны и целомудренны, нет натурализма, нет надсады. И нет подлаживания под псевдонародный (и пошлый) стиль. У Леонида Симачёва всюду соблюдена мера. А это и есть свойство таланта истинного, глубинного.

Борис Черных,

прозаик, член Союза российских писателей

***

Жанровое определение тому, что пишет Симачёв – рассказ: это надо понимать не мертвенно, отказывая рассказу в праве быть тем, чем он быть не должен, а буквально. Рассказ записан: то, что было рассказано, теперь можно прочитать.

Павел Ольхов,

филолог

***

Проза Леонида Симачёва при её прочтении заставляет говорить о ней высоким словом. Она искренна, добра к читателю, нравственна по содержанию, глубока по мысли, трепетна по чувству и выразительна по языку. Писатель Борис Черных в предисловии к книге сквородинского автора назвал его «лириком, поэтом в прозе», дав ключевое определение творческой особенности нашего земляка.

Галина Беяничева,

прозаик, журналист

***

Герои Леонида Симачёва не любят шумных компаний. Не выносят панибратства, фамильярного похлопывания по плечу, громких речей. Они – каждый из них – живут своей жизнью, нередко полузамкнутой по собственному желанию, но чаще – из-за неумения разомкнуть своего «я», по причине чего и страдают.

Анатолий Кайда,
писатель, журналист

***

Рассказы Симачёва – добротная, качественная проза, глубокая по содержанию и «здоровая» по духу. Вдумчивая, основательная работа со словом делает зримым и запоминающимся каждый образ и характер.

Ирина Назарова,
кандидат филологических наук,
доцент Благовещенского государственного
педагогического университета

***

Писать о прозаике Леониде Симачёве легко, он писатель, что называется, от Бога, и когда читаешь его рассказы, то радуешься – повезло-то как, что набрёл на его сочинения, и вот глоток, другой – экая услада для сердца.

Деталь у Симачёва всегда точная, изысканной не назову её – но проникновенная, простреливающая сердце навывлет. У дальневосточных писателей есть шанс поучиться мастерству и сердечной интонации у собрата по перу.

Борис Черных,
прозаик, член Союза российских писателей

***

У Леонида Симачёва неторопливая манера повествования. Он проводит читателя по долгой дороге чувств, ощущений, ассоциаций и воспоминаний своего героя, пейзажных зарисовок, завораживает волшебством самого слова и только после этого ставит читающего перед собственно действием. А оно уже пережито им до свершения, а потому и не столь важно. Понимая это, писатель или кратко говорит о развязке, или оставляет её за гранью произведения, как бы предлагая читателю додумать самому.

Галина Беляничева,
прозаик, журналист

***

Рассказы Симачёва интересны ситуациями, характерами, языком, деталями. В них и краски, и запахи, и ветер, и море, и тайга. Всё видно, всё ощущаемо. Люди выпуклы, понятны, живы. Хорошо запоминаются небольшие рассказы «Двое», «Штормовое предупреждение», «Большая Медведица», «Умер Тимофеич». И крупные рассказы заметны именно этим.

Анатолий Кайда,
писатель, журналист

***

Большинство рассказов Л. Симачёва говорит о появлении бесспорно способного автора, от которого со временем мы вправе ждать произведений значительных, интересных.

Борис Маиук,
прозаик, журналист

***

В начале ноября 1991 года в Амурскую писательскую организацию неожиданно пришла телеграмма от бывшего благовещенца хорошего поэта Валерия Черкесова: «Поздравляю Симачёва Игнатенко приёмом в Союз писателей...». Я удивился: Черкесов живёт в Белгороде, а раньше нас узнал о таком важном событии. Потом разглядел пункт отправки телеграммы – Руза – и всё понял. В подмосковной Рузе находится один из домов творчества. Видимо, Валерий там работает, съездил в Москву и, зная, что в приёмной коллегии СП РСФСР лежат дела земляков, поинтересовался их судьбой.

Но удивлялся телеграмме и рассуждал я потом. А сначала – просто по-человечески обрадовался: наконец-то! Сам я припоздал со вступлением в Союз писателей (со стихами в 35 лет – поздно, однако на то были причины) и отлично понимал и разделял чувства своих товарищей, которым уже перевалило за сорок, и своим творчеством они уже давно доказали, что имеют право быть в СП, а дело затягивается из-за скверной, крайне бюрократической методики приёма.

Но всё-таки свершилось! Ещё двое из довольно большой группы амурских литераторов, имеющих книжки – по одной, две, а когда теперь выйдут следующие при прогрессирующей издательской глупоте к местным авторам? – переступили символический порог профессионализма. Писать от этого лучше они не станут, но общественный статус обладателя членского билета, наверное, станет выше. Дай-то Бог и этой малости в нашем обществе, воспитанном на почтении не к таланту как таковому, а к формальному его удостоверению.

Станислав Федотов, писатель,
ответственный секретарь
Амурской писательской организации. 1991 год

***

Леонид Симачёв, судя по всему, не склонен к сочинительству: литература для него есть нечто инструментальное – необходимое в полумёртвом северном Сковородино, инородное в зоне локальной мерзлоты, где перестают, как и везде, читать, и пробуют на себе, како-во это стать людьми новой, визуальной, культуры, иллюзорно праздничными и молчаливыми. Симачёв здесь, кажется, уклонист: он предпочитает всему виртуозное, медленное письмо – ради приближения к полноте подлинного разговора – деликатная и томительная задача для того, кто хочет и сам высказаться. Раскатистый, трудный и речевой зачин, поговорки и уточнения – приготовления к тому, чтобы, наконец-то сказать о том, зачем решился на высказывание...

Павел Ольхов,
филолог

***

Он закончил мореходку, плавал радистом на судах китобойной флотилии «Владивосток». Между делом отучился на заочном отделении Литературного института имени Горького. Судьба должна была понести его по всеям России, а Леонид Симачёв вернулся на малую родину. Крепкая биография. Подобная судьба может растворить личность в житейских тяготах – а может и закалить характер. Но вероятность стать – на таком бетонном фундаменте – лирическим писателем мала, даже ничтожна. Но, между прочим, весь XX век опроверг мнение, что художественная литература, или, говоря старомодно, изящная словесность, есть удел избранных, с голубой кровью, на псковском оброке взятых. Назову не имена, а книги. «Река Порудань», «Привычное дело», «Матрёнин двор», «Пастух и пастушка», «Люблю тебя светло» – бессмертные баллады, спетые строгими, чистыми голосами выходцев из народа. И явление это – высококлассная, классическая по духовной наполненности литература.

Борис Черных,
прозаик, член Союза российских писателей

***

Главные действующие лица в рассказах Симачёва носят разные фамилии и предполагаются разными людьми, но, как в стихах, вос-

принимаются читателем одним лирическим героем, близким по духу автору и имеющим одну и ту же знаковую общность. Они как основу собственного мироздания, как священные обереги хранят в себе воспоминания детства и чувство родной природы, что делает их устойчивее в любых житейских напастях.

Галина Беляничева,
прозаик, журналист

***

Меня всегда обнадёживает густо насыщенная событиями биография молодого писателя, особенно прозаика. Такому есть что сказать. Он много повидал и людей, и разных мест – а это значит, что в его произведениях будут самые различные по характерам и труду персонажи, будут и разнообразный ландшафт, пейзаж, что тоже немаловажно для художника. Такая насыщенная событиями биография говорит и том, что писатель сам немало испытал и перенёс невзгод и трудностей, что опять же благотворно для создания настоящих, полнокровных книг.

Вот такая биография у Леонида Симачёва. Родился он на Дальнем Востоке, на станции Сквородино, в семье железнодорожника. Такой житейский факт позволяет домыслить, что уже с малых лет в его сознание вошли разговоры о поездах дальнего следования, о путях, которые ведут в новый, неведомый ещё мир, о людях, которые всегда находятся в движении.

Конечно же, такое не может остаться безответным, возникнет желание повидать то, что находится за отцовским порогом. Сразу по окончании школы Леонид Симачёв покинул дом и уехал буровым рабочим в специальную мерзлотную партию Зейской экспедиции Мосгипротранса, на участок Бам – Тында.

«Мерзлотная партия»... Написал я эти слова и тут же вспомнил свои изыскательские партии. Свой Дальний Восток, свою тайгу, костры на берегу Амгуни, изыскателей – отважный, неприсотливый народ, которому всё хорошо: перекааты и завалы, мари и болота на вечной мерзлоте. И порадовался за Симачёва – сколько же он увидел интересного, нового, неведомого, что ляжет потом в его произведения.

Сергей Воронин, писатель

***

«Симачёв своим героям стремится создать самую различную обстановку. Мы – то в океане на китобойце или на железнодорожной станции, то в туманном Владивостоке или на таёжной речушке, то в приисковом посёлке или в дождливой столице. И профессиональ-

ная принадлежность героев разная: геолог, океанолог, железнодорожник, парикмахер, студент, недавний солдат. И важно, что при всём этом разнообразии автор умеет точными деталями подчеркнуть эту принадлежность».

Анатолий Кайда,
писатель, журналист

***

Симачёв пишет, возможно, новую литературу: повтор той старины, которая была сама собой, сохраняя своё речевое начало.

Русское дело, обнаружение своего: ближе к Толстому, чем к Достоевскому, между Солженицыным и Шаламовым, с безусловно признаваемой, хотя и трудной для ясного осознания целью. То, что талантлив, так это само собой. Во времена, когда чтение становится спорадическим – некоим досугом, «сладчайшим для избранных», Симачёв переоткрывает литературу, которую следовало бы читать как нечто по природе цельное и живое. И, должно быть, выполняет единственное, доставшееся ему в удел: немодно и умело трудится, по-своему пишет, как будто говорит...

Павел Ольхов,
филолог

***

Когда один за другим прочтёшь несколько рассказов Симачёва, вдруг обнаруживаешь в себе ностальгию по созданному писателем миру и боязнь, что в следующем произведении эту хрупкую реальность может сломать нечто злое и грубое. Но автор нигде не разрушает свой храм. Он его поддерживает и укрепляет.

Галина Беляничева,
прозаик, журналист

**«СКОВОРОДИНЕЦ. ПИСАТЕЛЬ.
ГРАЖДАНИН...»:
методические рекомендации к изучению
жизни и творчества Леонида Симачёва на
уроках литературного краеведения**

Сказанное забудется, а написанное – никогда...
Леонид Симачёв

Литература родного края – это часть русской литературы. Нашим детям необходимо знакомиться с творчеством наших земляков, чтобы лучше узнать и полюбить свою малую Родину. Стихи и проза амурских авторов – это не только художественные произведения, изучаемые на уроках литературы, но и полезный краеведческий материал к урокам истории, географии, экологии.

**«ЧУВСТВО РОДНОЙ ПРИРОДЫ»:
размышления над рассказом Леонида Симачёва
«Двое»**

*Они же к людям шли! Понимаешь?
Волков прошли! К человеку! А ты?!*
(из рассказа «Двое»)

Изучение рассказа Леонида Симачёва «Двое» в школьном курсе литературы считаем важным и необходимым, поскольку произведение замечательного амурского писателя представляет богатый материал для духовного развития личности школьника, воспитания в нём «культуры чувства природы», любви к родной природе, родине.

Цели:

1. Познакомить учащихся с жизнью и творчеством амурского писателя Леонида Алексеевича Симачёва.
2. Развивать интерес к изучению произведений амурских писателей и поэтов.
3. Воспитывать нравственность и гражданственность молодёжи.

Оборудование: портрет писателя; выставка книг Л. Симачёва и иллюстраций с видами дальневосточной природы; мультимедийная презентация о жизни и творчестве Л. А. Симачёва.

Чтение и обсуждение рассказа «Двое» расширяет и углубляет представление школьников о Симачёве. Они постепенно «погружаются» в нравственно-эстетический мир амурского автора, оценить и осознать отношение писателя к природе, человеку, жизни.

В начале беседы, размышлений над рассказом Леонида Симачёва «Двое» необходимо познакомить учащихся с личной и творческой биографией писателя (можно использовать информацию из раздела «От веки сомнений до веки надежд...»: жизненный и творческий путь Леонида Симачёва)*.

Затем обратиться к анализу рассказа «Двое». Произведение было написано в 1969 году. Автор включил его в сборники «Срочная радиограмма» (1984), «Ленинградский коверкот» (1986), «До коммунизма и после» (2003).

Рассказ «Двое» наполнен глубоким философским смыслом: это произведение о природе, но в нём отразились раздумья писателя о смысле жизни, счастье, любви, радости, о взаимоотношениях человека с животным миром, о дороге к другу, о поисках гармонии в мире и себя с миром.

Пейзаж в рассказе специфичен, он отличается от пейзажей писателей-классиков, прежде всего, тем, что он даётся в отношении к человеку, он самостоятелен, и его нельзя «отделить» от сюжета и героев произведения. Приведём несколько цитат из произведения.

«Воздух был колким и резким, пьяняще пах, и Пашка пил его взахлёб, и в носу приятно пощипывало, как от шампанского. Он стоял голый по пояс на берегу реки; на ветках тальника, качаясь, висело полотенце. Река шуришала галькой там дальше, на повороте, а здесь, у берега, была плёнка тонкого утреннего льда, покрытая мозаикой немислимых узоров. Не смея нарушить, похабно топотать этот первый воздушный лёд, он долго стоял, пока кожа на теле не стала гусиной, потом осторожно сделал первый шаг. Хр-русть... Хрусть... Лёд треснул. Пашка ощутил тяжесть воды, сдавившей ноги в резиновых сапогах. В кустах испуганно закричала сойка. “Всё. И нет тишины, – подумал Пашка. – Наступило утро”. Пузыри воздуха, булькая, вырывались ему вслед. Он шёл, пока позволяли сапоги, ставшие холодными и неприятно облегающими голень при каждом шаге».

«Днём солнце пекло ещё по-летнему. Вода в реке была неестественно синей, с мелькающими то здесь, то там золотыми полтинниками листьев. В заливах, глух и тихих, вода была устлана ковром, напоминающим своим разноцветьем только что отреставрированную икону, а деревья на берегу, всё более и более обнажающиеся при каждом порыве ветра, кланялись внезапно, как кающиеся грешники, и срывали с себя последние лохмотья летней одежды.

В просветах между деревьями то и дело сверкали, переливаясь на солнце, нитки паутины. И они обволакивали лицо, когда Пашка натыкался на них. Свистели рябчики, их свист ватно повисал в воздухе.

Под мощной лиственницей Пашка остановился и ударил легонько прикладом по стволу дерева. Жёлтый дождь покрыл игольчатой кольчужкой голову, плечи... Иголки струятся по лицу и шее, сыплются за шиворот... Ударил ещё раз – и лиственница стала совсем нагой...».

Обращаем внимание на то, что Леониду Симачёву близко определение пейзажа, данное М. М. Пришвиным: «Пейзажем называется совокупность животных, растений, камней и всех других составных частей природы, отнесенных к личности человека». Уместно упомянуть о том, что однажды на вопрос молодого критика, что такое пейзаж, Пришвин ответил: «Так знайте же, это сердечная мысль».

В рассказе «Двое», как, впрочем, и во всех остальных произведениях Л. Симачёва, ярко выражено его личностное отношение к природе, это не просто рассказ, а лирическая миниатюра, раскрывающая лирическое «я» писателя. Природа в этом произведении философски осмысливается, в образах природы выражена душа человека, через природу открывается человек, его прекрасные стороны души.

Вопросы к беседе.

1. Почему рассказ назван «Двое»?

(Два человека: радист и геолог и два оленя: мать и сын).

2. Помогает ли природа понять характер Пашки?

(Именно через картины природы читатель понимает внутренний мир Пашки. Более того пейзаж в рассказе показан только его глазами, через его восприятие).

3. Какое впечатление произвела на Пашку первая встреча с оленями? Подтвердите свой ответ примером из текста.

(«У палатки он увидел оленёнка, только что вскочившего и широко раскрытыми глазами смотревшего на него. Пашка растерянно остановился. За три недели в тайге он такого ещё не видел и подумал: “Неужели дикие?..”

В голове всё смешалось, и он обалдело смотрел на оленей с жадным любопытством человека, увидевшего впервые что-то новое, недоступное. И всем существом он желал, чтобы они не исчезли сейчас и постояли ещё, хоть капельку, и чтобы олениха вот так, подрагивая студенистыми губами, потянулась к оленёнку, рывком вытянув шею, на которой болталась верёвка. “Нет, домашние. От стада отбились, что ли?”, – и он ещё раз глянул на обрывок верёвки. И понял, что они никуда не уйдут. Сейчас, по крайней мере»).

4. Найдите в тексте описание оленей.

(«Первой, хромая на переднюю ногу, шла олениха. Несколько поотстав, за ней плёлся оленёнок. Почуяв людей, олениха чуть встрепенулась, застыв на мгновение, потом снова пошла, но медленнее и изящней, легко и грациозно, словно на манеже, поджимая ногу. Одну палатку они миновали не останавливаясь. У другой замедлили шаг. Олениха подошла к дощатому столику на вкопанных березовых ножках, раздувая ноздри, обошла кругом и замерла, нехотя пощипывая ещё ровный мох. Оленёнок, доковыляв до матери, потянулся было к столику, но, сделав всего шаг, устало подогнул ногу и лёг на землю. Стояла тишина...»).

5. Как картины природы передают смену настроения Пашки, когда он узнал, что Игорь хочет убить оленей из гурманских соображений: *«Кусок оленьей спины, зажаренный на углях... А-а? Пашка? И у нас в вигваме запахнет мясом!»?*

(Пашка забрал ружьё, вероятно, в надежде, что Игорю не удастся ножом убить оленей, пошёл побродить по тайге, чтобы привести свои мысли в порядок).

«Он спустился к реке. Поднялся до переката и перешёл на другую сторону реки, где ещё не был. Перед глазами была длинная серая марь. Она какая-то мёртвая. С обгоревшими пнями и тусклыми отвратительными озерцами, на которых никогда не водилось уток, а рыбы – тем более. Они были с вонючими торфяными берегами, кое-где жёлто-грязные, как смешанная в банке акварель с водой. И даже лягушки там меньше.

Пашка месил ногами моховой покров, оттаявший после заморозка. За Пашкой оставалась залитая водой неровная полоса. Внизу, под мхом – вечная мерзлота. Её можно прощупать хорошо заострённой палкой, если прилично навалиться: здесь она не глубже метра. Мох её надёжно защищал от солнца. Местами виднелись заросшие вконец, поваленные давным-давно, обгорелые лесины. Когда-то был пожар, вся марь выгорела дочерна. После – сухая весна и сухое лето. И всё: кроме мха и паршивого ерника здесь ничего не выросло. Пашка себя чувствовал как на кладбище, старом и заброшенном. «Ночью здесь страшновато», – и он круто взял вправо, срезал угол и шёл, пока не ощутил под ногами твёрдые, припорошенные хвоей камни. Услышал шум ключа, по берегу которого и пошёл к реке».

Если утром у Пашки всё воспринималось в радужных красках, то после разговора с Игорем, которого он искренне уважал, мир окрасился серыми, безжизненными цветами).

6. Как Пашка понял, что в его отсутствие произошла трагедия?

(«...На опушке стояла олениха. Она стояла, повернув шею

к кустам, из-за которых проглядывали конусы табачного дыма. Едва подрагивая ноздрями, она поводила высоко поднятой головой из стороны в сторону, казалось, что-то слушала.

Когда подошёл Пашка, она нервно встрепенулась и посмотрела на него. В безумно горевших глазах и в самой позе оленихи был выражен животный страх. Страх вместе с отчаянием, с дикой, неведомой Пашке болью.

Он увидел эти материнские зрачки, эту, вдруг ставшую жалкой, дрожащую фигуру, и ему сделалось нехорошо. Будто стволы двустволки смотрели на него и вот-вот – всплеск огня, выстрел...

Олениха изогнулась, присела на передние ноги и, припадая, рванулась в сторону; кусты затрещали, раздался топот.

“Она одна... Неужели всё-таки Игорь?”. Пашка всё понял. Ноги потяжелели и путались в ернике. “А чего ты хотел? На что надеялся? – Пашка усмехнулся над собой. – Никчемные сантименты...”. Запинаясь, вышел к палаткам. Ружьё нестерпимо давило плечо. Он остановился.

Ловко орудуя ножом, Игорь разделявал оленёнка»).

В произведении ярко проявились и особенности творческого метода писателя – сочетание поэтической лирики с реализмом, трезвой наблюдательностью. Поэтому завершается рассказ «Двое» на щемящей ноте неотвратимости произошедшего. Действительно, не каждый может сохранить человека в самом себе.

«А вечером, когда взошла луна, к палаткам вышла олениха. Над обеими палатками поднимались два ровных столба дыма. Над одной из них серебрилась в лунном свете антенна. Из это палатки пахло жареным мясом. Олениха молча простояла всю ночь, поджигая окровавленную ногу, а временами красиво поднимала голову и прислушивалась. Но ничто не нарушало морозной тишины.

Утром выпал иней. Она тихо, как и пришла, исчезла в белёсом лесу»).

7. Давайте ещё раз поразмышляем над названием произведения. Почему Симачёв озаглавил свой рассказ именно так?

(В произведении две пары героев: два человека (Пашка и Игорь – геологи-изыскатели) и два животных (олениха и оленёнок). Иными словами, двое людей и двое животных. В конце повествования в живых остались трое: Игорь, убивший оленёнка, Пашка, «раздавленный» таким поступком своего товарища, и олениха. Но, по сути, в живых осталось двое – Пашка и олениха. Так как для Пашки Игорь стал «мясником», «садистом», человеком склонным к насилию и убийству, а значит душевно мёртвым. А до этого Пашке очень нравился Игорь и он хотел поближе с ним сойтись: *«Радист был*

большой и сильный, а сильные люди всегда притягивали к себе Пашику: у него не было старшего брата. Игорь немного покровительствовал Пашке, кое-чему научил, а кто работал когда-нибудь в тайге, тот знает, чего стоит поддержка в первое время. И Пашика тянулся к Игорю»).

Особо наблюдательные юные читатели обязательно заметят в предпоследнем абзаце рассказа предложение, в котором автор использует парность: *«Над обеими палатками поднимались два ровных столба дыма»*.

О чем бы ни писал Л Симачёв – о цветах, о деревьях, о воде, животных, – он говорит о человеке. Образы, найденные писателем, зовут нас любить друг друга, природу, беречь её, а значит, любить и беречь родину. Воспитанию таких высоких чувств и служа произведению «поэта в прозе» Леонида Симачёва. Человек и животное, человек и растения. Парность. Красота. Взаимодействие. Дружба. Любовь. Только так можно жить в мире, в котором места хватает всем. Только так можно ощутить гармонию в мире и себя с миром.

ЛИТЕРАТУРА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. А. СИМАЧЁВА

Отдельные издания

В перерыве между таймами : рассказы, повесть. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во ; Амур. отд-ние, 1989. – 112 с. – Текст (визуальный) : непосредственный.

До коммунизма и после : повесть, рассказы. – Благовещенск : РИО, 2003. – 272 с. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Ленинградский коверкот : рассказы. – Москва : Молодая гвардия, 1986. – 96 с. – (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»; № 21 (232)). – Текст (визуальный) : непосредственный.

Срочная радиограмма : рассказы. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во ; Амур. отд-ние, 1984. – 120 с. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Из публикаций в периодических издания и сборниках

Время собирать ягоды : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. неделя. – 2002. – 28 янв. – С. 4–5.

Время собирать ягоды : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье–2003 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2003. – № 6 (№ 12). – С. 6–8.

Время собирать ягоды : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Проспект Пушкина. – 2004. – 5 фев. – С. 11.

Время собирать ягоды : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Рус. берег. – 2002. – № 10. – С. 14.

Время собирать ягоды : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Страницы : к 40-летию Амурской областной общественной писательской организации (1977–2017). – Благовещенск : РИО, 2017. – С. 116–121.

Два рассказа : рассказы. – Текст (визуальный) : непосредственный // Дал. Восток. – 1993. – № 1. – С. 47–59. – Содерж.: Любовь к жизни поздней осенью ; Иван да Макрель.

Заяц : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. комсомолец. – 1968. – 31 марта. – С. 4.

Знакомство : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. правда. – 1978. – 16 сент. – С. 4.

И даже если срочная : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Октябрь. – 1980. – № 2. – С. 27–37.

Кукушкины слёзки : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Дал. Восток. – 1983. – № 6. – С. 15–21.

Любовь к жизни поздней осенью : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. правда. – 1991. – 21 дек. – С. 5.

Любовь поздней осенью : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье-95 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : Зея, 1995. – № 1 (19). – С. 150–154.

Макрель – 1991 года : несвяточный рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. газета. – 1991. – 30 дек. – 5 янв. (№ 35). – С. 8–9.

На причале : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. комсомолец. – 1982. – 11 июля. – С. 3.

Оло : рассказ о любви. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. звезда. – 2017. – 7 дек. (№ 48). – С. 4.

Оло : рассказ о любви. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье-2020 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : РИО, 2020. – С. 417–422.

Поездка : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. комсомолец. – 1982. – 1 окт. – С. 4 ; 3 окт. – С. 4.

Перед рейсом : отрывок из повести. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. комсомолец. – 1978. – 9 июля. – С. 2–3.

Проснуться среди ночи : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье моё – 1983 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1983. – С. 213–224.

Рассказы из книги «До коммунизма и после». – Текст (визуальный) : непосредственный // Лауреаты Амурской премии. Поэзия. Проза. Драматургия. – Благовещенск : РИО, 2010. – С. 233–267. – Содерж. : Кукушкины слёзки ; Цирк приехал ; Время собирать ягоды.

Срочная телеграмма : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 37–53.

Страницы из дневника : [записи Л. Симачёва 1967–1968 гг.]. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. звезда. – 2018. – 5 апр. (№ 13). – С. 4.

Умер Тимофеич : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье моё – 1983 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1983. – С. 224–229.

Цирк приехал : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Проспект Пушкина. – 2003. – 17 июля. – С. 6–7.

Штормовое предупреждение : рассказ. – Текст (визуальный) : непосредственный // Проспект Пушкина. – 2004. – 3 июня. – С. 3, 5, 11.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Л. А. СИМАЧЁВА

Беляничева, Г. «Чувство родной природы» : [о новой кн. амур. писателя, члена Союза писателей России Л. Симачёва «До коммунизма и после»] / Г. Беляничева. – Текст (визуальный) : непосредственный // Проспект Пушкина. – 2004. – 2 апр. – С. 4.

Во вкусах и пристрастиях однолюб : [интервью с писателем Л. Симачёвым о жизни и творчестве] / провела Н. Маслова. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. газета. – 1991. – 30 дек. – 5 янв. (№ 35). – С. 8.

Воронин, С. Предисловие : [о сборнике рассказов Л. А. Симачёва «Срочная радиограмма»] / С. Воронин. – Текст (визуальный) : непосредственный // Симачёв Л. А. Срочная радиограмма : рассказы / Л. А. Симачёв. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во ; Амур. отделение, 1984. – С. 5–6.

Кайда, А. Разомкнуть круг : [о первой кн. Л. Симачёва «Срочная радиограмма»] / А. Кайда. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. комсомолец. – 1984. – 11 мая. – С. 2.

Леонид Симачёв. – Текст (визуальный) : непосредственный // Лауреаты Амурской премии. Поэзия. Проза. Драматургия. – Благовещенск : РИО, 2010. – С. 232.

Симачёв Леонид Алексеевич : [биогр. и список лит.]. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье-2020 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : РИО, 2020. – С. 417.

Назарова, И. С. Поэт в прозе : [о Л. Симачёва] / И. С. Назарова. – Текст (визуальный) : непосредственный // Приамурье-2020 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : РИО, 2020. – С. 422–423.

Назарова, И. С. Симачёв Леонид Алексеевич : [биогр. справка и список лит.] / И. С. Назарова. – Текст (визуальный) : непосредственный // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 343–346.

Ольхов, П. А. О медленном письме Леонида Симачёва : [о прозе Л. Симачёва] / П. А. Ольхов. – Текст (визуальный) : непосредственный // Рус. берег. – 2002. – № 10. – С. 15.

От автора. – Текст (визуальный) : непосредственный // Симачёв Л. А. До коммунизма и после : повесть, рассказы / Л. А. Симачёв. –

Благовещенск : РИО, 2003. – С. 7–8.

От автора. – Текст (визуальный) : непосредственный // Симачёв Л. А. Срочная радиограмма : рассказы / Л. А. Симачёв. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во ; Амур. отд-ние, 1984. – С. 7.

От вехи сомнений до вехи надежд : [беседа о творчестве Л. Симачёва] / провёл А. Кайда. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. комсомолец. – 1984. – 17 июня. – С. 3.

Поэт в прозе : ушёл из жизни амурский писатель Леонид Симачёв. – Текст (визуальный) : электронный. – URL: <https://ampravda.ru/2019/07/01/089368.html> (дата обращения: 14.07.2020).

Рыльский, В. Леонид Симачёв «До коммунизма и после» : [презентации кн. Л. Симачёва «До коммунизма и после»] / В. Рыльский // Комсом. Правда. – 2003. – 1 окт. – Прил. : с. 16. – (Комсом. Правда в Приамурье).

Симачёв Леонид Алексеевич : [биогр. и список лит.]. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амурская писательская организация. 1977–2007. – Благовещенск : РИО, 2007. – С. 32.

Симачёв Леонид Алексеевич : [биогр. и список лит.]. – Текст (визуальный) : непосредственный // Страницы : к 40-летию Амурской областной общественной писательской организации (1977–2017). – Благовещенск : РИО, 2017. – С. 115.

Симачёв, Л. А. О «рыбных днях» и творческом зуде / Л. А. Симачёв. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амурская писательская организация. 1977–2007. – Благовещенск : РИО, 2007. – С. 32–34.

Сковородинец. Писатель. Гражданин : [беседа с писателем Л. Симачёвым о жизни и творчестве] / провела Г. Жукова. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. звезда. – 2018. – 11 окт. (№ 40). – С. 7.

Умер один из лучших амурских писателей Леонид Симачёв. – Текст (визуальный) : электронный. – URL: <https://www.amur.info/news/2019/07/01/156231> (дата обращения: 14.07.2020).

Федотов, С. Пополнение в писательском ряду : [Л. Симачёв стал членом Союза писателей России] / С. Федотов. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. правда. – 1991. – 21 дек. – С. 5.

Цигуля, И. Остановиться, оглянуться... : [о первой кн. Л. Симачёва «Срочная радиограмма»] / И. Цигуля. – Текст (визуальный) : непосредственный // Амур. правда. – 1984. – 30 апр. – С. 4.

Черных, Б. И. Леонид Симачёв – поэт в прозе / Б. И. Черных. – Текст (визуальный) : непосредственный // Симачёв Л. А. До коммунизма и после : повесть, рассказы / Л. А. Симачёв. – Благовещенск : РИО, 2003. – С. 5–6.